

Игорь Жаров

ЛУКЕРЬЯ

РОМАН, КОТОРОГО НЕТ

Книга 1

Игорь Жаров
Лукерья. Роман, которого нет

«Автор»

2026

Жаров И. И.

Лукерья. Роман, которого нет / И. И. Жаров — «Автор», 2026

Роман, достойный сериала. На рубеже эпох - царской и революционной России одним из главных героев повествования становится город — Санкт-Петербург, на фоне которого под натиском событий судьба крестьянки Катерины и её дочери Лукерьи вплетается в дворянскую жизнь семьи полицмейстера, петляя по закоулкам преступного мира. Точные детали, колоритные персонажи подкупают ощущением настоящего и правды. Как автору, нашему современнику Игорю Жарову удалось через строку передать это чувство? Откуда у человека из глубокой провинции такая нежная любовь к Северной Пальмире? Оказывается, от корней, семейной памяти: родная бабка - прообраз его Лукерьи, прожившей долгую жизнь от обучения грамоте, языкам и этикету до революции, через войну, через блокаду, лагерный срок и вечную ссылку за 101-ый километр. Встречайте первую книгу саги "Лукерья. Роман, которого нет" и ее автора, Игоря Игоревича Жарова.

© Жаров И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

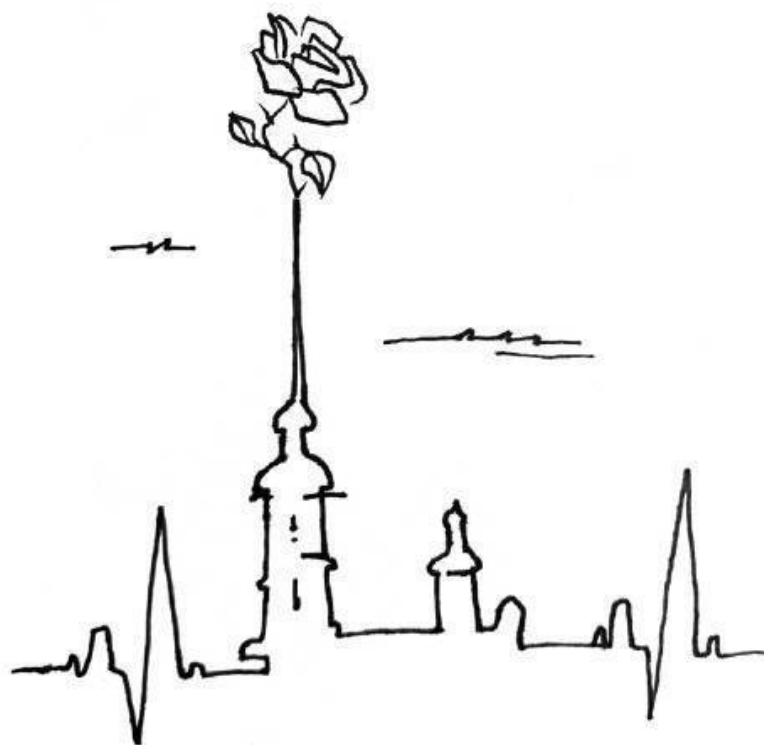
Глава	5
Глава	8
Глава	11
Глава	13
Глава	16
Глава	19
Глава	25
Глава	28
Глава	32
Глава	35
Глава	38
Глава	41
Глава	44
Глава	47
Глава	50
Глава	53
Глава	56
Глава	60
Глава	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Игорь Жаров

Лукерья. Роман, которого нет

Глава

Лукерья
Роман, которого нет
Книга 1

Дочерям Петербурга

*А давай встречаться каждый год
На мосту, где Клодтов конь
Копытом воздух бьёт?
Где свободу держат за ремни
И в Фонтанку падают огни.*

*Где Нева гранитный носит фрак –
Мы швырнём в неё монетой, просто так.
Жаркий день расплавит горизонт,
Ливень спросит:*

– А зачем вам зонт?

*Мы будем мокнуть под дождём и вытираться ветром,
По Невскому пойдём пешком, сменяя километры,
И на Большой Конюшенной, в Пегасовой аллее,
Усадят липы нас на мокрые скамей.*

*У Спаса на Крови свернём направо,
Где сад Михайловский помашет нам дубравой.
В дом Зингера на кофе?
Нет, там очередь, как у околицы забор.
За столик у окна, где за стеклом собор.
Тогда в кафе, в музее Фаберже?
Двойной эспрессо?
Ну конечно же.
На Караванной дом с парадной на углу
Всё так же строг.
И дама, что жила здесь некий срок
Лет сто назад.
А память
С балкона лик её сняла и спрятала в партер.
Но мы пришли и время ожило:
Bonjour, madame Esther.*

*Смеркается, но не темнеет.
Бал.
На белый танец приглашает ночь,
Вальс на Дворцовой нежно зазвучал –
Со мной танцует Петербурга дочь.*

*Кто с розой Петропавловской знаком,
Тот не забудет эти вечера.
Разведены мосты и
Спать легло метро,
А я с Московского уехал во вчера.*

От автора

Бытует мнение, что самыми интересными произведениями в литературе считаются недописанные романы. Благодаря их незаконченности каждый может позволить себе мысленно дописать то, о чём умолчал автор: пылливый читательский ум часто старался дописать и до конца раскрыть «Тайну Эдвина Друда» Чарльза Диккенса, кто-то «доставал из огня» сгоревший том Николая Васильевича Гоголя – да много всякого интересного происходило с незаконченными произведениями.

Есть три основных причины, по которым романы остаются недописанными:

Первая – автор умер.

Вторая – умерли время или эпоха, и роман стал неактуален, потому что проблема, которую раскрывал автор, решила сама собой за время написания и перестала быть проблемой.

И третья причина – это когда автор испугался своего произведения.

Казалось бы, чего там... А в процессе написания автор вдруг осознаёт, что взвалил на плечи непосильную ношу. Такой пример литературе известен: роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» остался недописанным именно по этой причине.

Друзья, дорогие мои, сегодня я тоже испытываю робость перед своим даже толком не начатым произведением. Четыре написанные главы из... (а я и сам пока не знаю общего количества этих глав), на которые было потрачено больше года (не очень-то уж и усердного письма), заставили меня задуматься: а надо ли это вообще писать? Ну напишешь, и что? Издавать такую книгу нужно тиражом не больше чем один экземпляр, потому как подобным забиты все полки, которые только можно себе представить.

Но годы хоть и так себе, а всё-таки прожиты, и написанное сжигать жалко (нет, всё-таки далеко мне ещё до Гоголя), поэтому каждый выходной на твой суд, читатель, я продолжу выкладывать по одной части неопубликованного ещё материала.

Так что же будет?

А будет путешествие по Петербургской стороне города на Неве в самое начало двадцатого столетия: мы пройдем по улицам, заглянем во дворы и, конечно же, в Александровский парк. Поэтому, кому интересно, милости прошу в следующую субботу с утра.

Все приходите, всем буду рад.

- Переборов! Есть Переборов?
- Да! Здесь я, доктор, кто?
- Тройня у вас, Переборов, поздравляем!
- Опять?..
- Матрёшкин!
- Тута.
- Девочки у вас, Матрёшкин.
- Как девочки?
- Двойня. Близняшки.
- Лесов!
- Лосев. Я Лосев.
- Мальчик у вас, Лосев. Правда, негр.
- Какой ещё негр?
- Какой, какой... Чёрный!
- Счастливчик, повезло.
- Это ещё почему?
- Всего один – хлопот, считай, никаких.

Глава первая

Глава

Катерина

Везение. Такое приятное стечение обстоятельств, зачастую неожиданное или внезапное, переживал каждый из нас. Каждому приходилось хоть раз в жизни слышать в свой адрес это слово, сопровождаемое интонацией лёгкой зависти, – «повезло!».

Повезло Эдмону Дантесу в том, что аббат Фариа слегка ошибся в расчётах.

Повезло Петру Гринёву, что у Пугачёва память на лица хорошая.

Повезло и Лукерье в том, что она, Лукерья, родилась недоношенной и пришла в этот мир на два месяца раньше положенного срока. Ведь кто знает, как бы сложилась жизнь Лушеньки, если бы всё шло согласно штатному расписанию.

Отец Луши не стал дожидаться появления на свет своей дочери, а сразу, как только у жены начались роды, отправился в трактир праздновать, посчитав что здесь, в своём доме, в данную минуту он будет совершенно лишним – среди повитух и прочего бабья.

– Ступай себе с Богом, касатик! Всё, что от тебя требовалось, ты уже сделал, а дальше уж мы как-нибудь сами, – сказала соседская старуха Агафья и, перекрестив в спину через порог, закрыла дверь в избу.

Назад он уже не вернулся – ни поздно за полночь, ни на следующее утро. А на третий день пришёл в дом городской из города и сообщил, что батьку ихнего, Семёна Даниловича Ложкина, убили по пьяному делу – зарезали в тот же день прямо в трактире – и что тело вот-вот должны привезти прямо к дому.

А в утешение добавил, что, мол, виновный задержан и непременно понесёт заслуженное наказание по всей строгости.

Уж и не знаю, что там промеж них было, а только Катерина, жена, а теперь уже, получается, что и вдова, с горя слёз лить да белугой выть не стала, а молча выслушав известие, постояла ещё маленько да и пошла в дом готовиться к похоронам.

Городской, несколько удивлённый такой реакцией, молча проводил её взглядом и, вздохнув, отправился в обратную дорогу.

Да и какое его, собственно, дело: чужая душа, как известно, потёмки – в неё ведь со свечкой-то не залезешь.

Схоронили Семёна в тот же день на местном кладбище, недалеко за деревней. А после сорокового дня Катерина кое-как обухом топора забила вход в избу, закрыла ставни и, собрав только самое необходимое, взяла Лушу на руки и ушла из деревни в город в поисках лучшей доли.

В городе она перво-наперво зашла на Большую Разночинную к двоюродной тётке своего покойного мужа, зная, что та живёт совершенно одна, и рассказала ей о гибели её племянника, а заодно и попросилась на постой на первое время:

– Одна бы я ещё ничего, сдюжила, а вот с дочкой, боюсь, непросто мне будет устроиться.

Тётка, давно уже немолодая, но всё ещё крепкая женщина, оказалась на редкость стоворчива, хотя плату за проживание, хоть и небольшую, а всё же назначила:

– Деньги-то у тебя есть?

– Да, есть на первое время. Может, Бог даст, так и к делу какому приладиться удастся, а? Я и на кухню и на стирку согласная.

– Ты, Катька, вот что: завтра походишь да поспрашиваешь что да как, а сегодня с дороги ты, намаялась, да и не следует тебе в город – эдак вот! – тётка неодобрительно кивнула на мно-

гократно заштопанную кофточку поверх тёмного платья из суровой ткани, надетую на Екатерине, – нету у тебя чего повеселее-то? Чай, в столицу пришла, а не на скотный двор – тут людей по одежке привечают.

– Ой, нету... Так, может, я завтра на базаре куплю?

Далёко у вас базар-то?

– Ты вот что, девка: коли копейку в руках удержать не умеешь, то зря ты сюда пришла – и сама пропадёшь, и дитё погубишь. Пойдём-ка лучше в моём приданом поищем: где надо ушьём, а где – расставим, глядишь, что-нибудь и подберём. Я-то уже своё отфасонила, а тебе, может, и сгодится.

Луша всё это время смиренно лежала на тёткиной кровати, закутанная в лёгкое одеяльце, и, кажется, изо всех сил старалась не мешать матери своими криками да капризами.

Весь оставшийся день женщины подшивали да подгоняли более-менее подходящую для города одежду до тех пор, пока свет с улицы работать позволял.

А между делом, чтоб не так скучно было, тётка расспросила Катерину про жизнь в деревне, да не то чтобы из любопытства, а так, промежду прочим.

Да вот только племянника своего, Семёна, почему-то даже и не вспоминала. А может, не захотела вспоминать, и Катя тоже решила, что не нужно этого вопроса до поры трогать.

– Дочку-то окрестила ли?

– Нет пока – не успела ещё.

– Нехорошо. Окрестить бы надо. Завтра на меня её оставишь? С собой-то брать несподручно будет.

– Ага.

На следующее утро, оставив дочку с двоюродной тёткой, из парадной дома номер девятнадцать, который и по сей день стоит в самом конце улицы Большая Разночинная, вышла молодая женщина, одетая в светло-голубое платье в мелкий белый цветочек размером с вишнёвые лепестки. Длинные рукава и глухой ворот на платье были застёгнуты на белые пуговицы.

Тётка, конечно, предлагала другие, в тон самому платью, но Катя настояла на этих, белых:

– Ну и пушай, что видно! Чай, ведь пуговка – она тоже каких-никаких, а денег стоит?

Заправив выбившийся локон под косынку и разгладив руками передник из суровой плотной ткани поверх платья, Катерина направилась в сторону Большого проспекта в поисках рабочего места.

С утра, конечно, было несколько свежо, но совсем не зябко.

Дождь, по-видимому, прошедший в ночь, давно закончился, прибив пыль на улицах, и дворники без опаски обметали тротуары, собирая грязь в небольшие кучи по краю булыжной мостовой. В этот год бабье лето выдалось на зависть солнечным и тёплым – грех жаловаться.

Булыжная мостовая Большого проспекта, как панцирь гигантской черепахи, аккуратно разрезанный нитями трамвайных линий, расстилалась от края до края и уходила так далеко, что и взглядом-то не достанешь.

Трамваи, пока что ещё на конной тяге, неспешно, со скрипом передвигались по мостовой, при этом демонстрируя свою необходимость, а фонарные столбы, как корабельные мачты, стоящие по центру проспекта, больше напоминали городских на своём посту, следящих за соблюдением порядка на улице.

Дойдя до Большого проспекта, Катерина остановилась, чтобы осмотреться. Куда идти, она, конечно же, не знала. Но её это особенно не пугало – чай, мир не без добрых людей, а за спрос, как известно, денег не берут.

Завидев неподалёку дворника, который обметал тротуар, Катя направилась в его сторону:

– Дядечка, дядечка!

Узкоглазый старик в тюбетейке, немного расстроенный тем, что его оторвали от дела, не дожидаясь вопроса, указал рукой в обратном направлении:

– Туда ходи. Туда, туда... Туда ходи!

– Ой, да ладно! Уж коли б знала, то и унижаться бы не стала тут перед вами!

Раздосадованная Катерина развернулась и молча пошла, куда ей указал пожилой дворник.

Навстречу шёл человек в солдатской шинели без погон и на костылях. Нога у солдата была всего одна. Огрубевшая кожа на его лице потемнела то ли от холодных ветров, а то ли от копоты войны, и только пышные усы по-прежнему молодецки были подкручены кверху.

– Дядечка, а вы не подскажете, где здесь на работу устраивают?

Служивый остановился и посмотрел на Катю живыми карими глазами:

– Не знаю, красавица!

– Аааа, тогда ладно...

– Слышь, красавица, а у тебя случайно табаку нет? Ну или махорки?

– Нету, дядечка, некурящая я.

– Нету, значит, – вполголоса, еле слышно проговорил солдат и, опираясь на костыли, зашагал дальше. А Катерина, перейдя проспект, медленно пошла по своей надобности.

Глава

Светлана Сергеевна

В городе Санкт-Петербурге давно, ещё при царе-батюшке, упокой Господь его душу, по Каменноостровскому проспекту, что совсем рядом с Александровским парком, в доходном доме мадам Цеховой во втором этаже проживала семья одного из полицмейстеров города Бобровского Гаврилы Ермолаевича.

Сам Гаврила Ермолаевич был назначен на эту должность, надо сказать, совершенно неожиданно – в результате крупной реформы, прошедшей совершенно внезапно в рядах царской полиции; и к обращению в свой адрес «Ваше высокородие» ещё совсем никак не привык и часто смущался.

Апартаменты в доме мадам Цеховой Бобровские занимали совсем недавно и заехали сюда сразу же после назначения главы семьи на должность.

В свои сорок два года, теперь уже «Их высокородие», Гаврила Ермолаевич всё ещё оставался таким же добродушным и тихим, на дух не переносящим не то чтобы ругани или же скандалов, а даже бесед на повышенных тонах. Воспитанный в родительской любви и излишней нежности, чрезмерно упитанный при невысоком своём росте Гаврила Ермолаевич отдавал предпочтение семейному уюту и близкой дружбы ни с кем старался не заводить.

После службы, которая состояла, в основном, из написания бесконечных отчётов вышестоящему начальству, а точнее, на имя градоначальника, он всегда спешил домой к своей молодой жене, к которой относился трепетно и с душевной нежностью.

Светлана Сергеевна, жена Гаврилы Ермолаевича, была напротив дамой со всех сторон приятной наружности, а в манерах и этикете ей могла позавидовать любая другая, кого и не вспомни для сравнения.

Выше своего супруга больше чем на голову, она ловила восторженные взгляды встречных мужчин, когда они с мужем прогуливались по парку под ручку, что вызывало гордость у самого Гаврилы Ермолаевича.

Кроткая и покорная воспитанница женского пансиона Светлана Озерская, ограждённая от внешнего мира на время обучения, так и не сумевшая устроиться в жизни после выпуска, уже было отчаялась найти своё счастье, как вдруг судьба ниспослала ей милость Божию.

Гаврила Ермолаевич Бобровский, потомок хоть и не богатой и не знаменитой, а всё же таки знатной фамилии, прибыл с визитом в дом Озерских по поводу намерения взять в жёны их дочь, которой уже тогда было аж целых двадцать семь лет, и получить разрешение прислать сватов. Он убедил маменьку будущей супруги в том, что не далее как месяц назад получил очередное повышение по службе и теперь может позволить себе достойно содержать Светлану.

Озерские же, наведя справки через знакомых, которые в свою очередь так же осведомились по знакомству через своих знакомых, утвердившись в полной порядочности не только самого Бобровского, но и в безупречной репутации его родителей, от которых на тот момент и осталась разве что только светлая память, с Гаврилы Ермолаевича взяли в довесок ко всему ещё и честное слово о благородстве его намерений. Слово было дано в обмен на одобрение, и венчание состоялось.

После свадьбы муж забрал Светлану Сергеевну к себе, но не одну. По настоянию родительницы помимо незavidного приданого вместе с молодой женой Гаврилы Ермолаевич привел в свой дом и Марфу – старую няню, которая с пелёнок вырастила не только его новоиспечённую супругу, но и даже её маменьку.

Марфа была слаба глазами и уже давно глуха, как тетерев. Она засыпала при любом удобном подвернувшемся случае, но любовь и привязанность молодой Светланы к заботливой и преданной няне взяли верх, и Бобровский возражать не стал.

В скором времени, но согласно всем положенным срокам, Светлана Сергеевна забеременела, и это было принято как добрый знак, ибо Господь сам решает, в какой час и каким событиям суждено состояться.

Утром полицмейстер Бобровский отправлялся на службу в Управление Царской Полиции, а Светлана Сергеевна спустя некоторое время в сопровождении Марфы отправлялись в Александровский парк на прогулку. А вечером все собирались за столом, и за ужином Гаврила Ермолаевич часто рассказывал забавные истории, произошедшие на службе.

– Вот не далее как с неделю тому назад, – начинал Гаврила Ермолаевич, усевшись за стол и заправляя за ворот столовую салфетку, – на улице Барочной, что находится по обеим сторонам реки Карповки, опять было совершено злодейство.

– Неужели снова убили кого?

– Да полно, Господь с вами, душа моя, Светлана Сергеевна! Убийство – это есть деяние жестокое, и коли бы таковое случилось, то я бы, будьте уверены, уж не стал бы вам его рассказывать за столом и вас, душа моя, тем самым заставлять тревожиться.

– Так что же всё-таки случилось, Гаврила Ермолаевич?

– А случилось, Светлана Сергеевна, разграбление конфетной лавки господина Трюфели.

Один незадачливый подросток по фамилии Скудоумов решил отметить своё совершеннолетие в одной из рюмочных, коих на Барочной находится превеликое множество.

Впервые употребив водки, захмелевший юноша отправился было восвояси, но нарядная витрина господина Трюфели привлекла его внимание. Скудоумов, находившийся во хмелю, – много ли сорванцу надо? – решил полакомиться сладостями: разбил витрину камнем, набрал полные карманы конфет да и был таков!

– И что же, неужели сбежал озорник?

– Так в том-то всё и дело, что сбежал он ровно до первого закоулка, а далее, уверенный в своей проворности, направился не спеша к себе домой и по дороге ел эти самые конфеты. А обёртки на землю кидал – его в ту же ночь по этим конфетным фантам городовые-то и сыскали.

– Так что ж теперь, неужели тюрьма его ждёт?

– А что ж вы хотели? Чай, возраст в аккурат позволяет. Как ни крути, а проступок налицо – факт! Но я, правда, подал прошение на имя градоначальника, в котором предложил их высокопревосходительству обратить внимание на этот инцидент: уж коли парень покается, то пусть ему предложат подать добровольное прошение в солдаты. Всяк государству польза будет. А из тюрьмы, как известно, ни одного ангела ещё до сих пор не вышло.

Глава

Встреча

Александровский парк, в котором так часто гуляли Светлана Сергеевна с Марфой, стал первым публичным местом отдыха горожан. Названный в честь первого императора Александра, обустроенный во времена первого императора Николая, парк уже, кажется, не имел права быть хоть в чём-то вторым. Размах красоты и великолепия, представленный перед народом, привлекал к себе внимание хозяев и гостей Петербурга: каждый старался прибыть сюда непременно целым семейством и не спеша пройтись по парковым аллеям среди огромного разнообразия вроде бы обычных, казалось, деревьев, но засаженных на особый английский манер.

Посетить это место считалось хорошим тоном, а заодно можно было и потешить себя надеждой, что во время прогулки навстречу, вот так вот запросто возьми да и выйди какой-нибудь Их сиятельство в сопровождении супруги. Или даже сам (чем чёрт не шутит, пока Бог спит) Его Императорское Величество со своим семейством.

Кокетливые липы и модники-клёны росли попеременно со строгими, по-военному чинными дубами и застенчивыми кудрявыми берёзами, что создавало впечатление дикорастущего сада – будто бы и не вмешивался сюда человек, а токмо природа сама разбросала насаждения по собственной прихоти.

Огромное множество различных кустарников, среди которых посетители могла встретить сирень или парковая роза, заставляло горожан на время сбежать от суеты каменного города и укрыться в сказочном парке.

Достаточное количество лужаек, довольно просторных размеров для удобства, были оборудованы большим количеством скамеек и даже беседок.

В одной из таких беседок, стоящей в десятке шагов от Кронверкского пролива, который служил когда-то преградой для подступов к Петропавловской крепости, и разместились жена Гаврилы Ермолаевича со своей няней. Погода с самого утра стояла такая умиротворённая, что женщины, удобно устроившись, первое время, просто молчали, наслаждаясь щебетанием птиц, и смотрели на потемневшую воду, на поверхности которой обречённо плавало уже достаточно большое количество пожелтевшей листвы, опавшей с близстоящих деревьев или принесённой ветром накануне.

– День сегодня прямо такой радостный, – прервала молчание молодая Светлана, – и воздух вроде особенный...

– Так дождь, ягодка моя, ночью пыль-то прибил к земле, знамо дело – чище стало. А зима придёт, и того свежее многократ будет. А то как же?

Свернув с Большого проспекта на Гулярную, Катерина, поочерёдно заходящая в различные заведения в поисках трудового найма, более чем через час вышла на Кронверкский проспект, который дугой своей, словно рукой любящего родителя, заботливо обнимал тот самый парк с внешней стороны. Пыл поутих, а досада после многократных, не увенчавшихся успехом попыток найти хоть какую-то работу в столице в первый же день, осадком села на душе, и притомившаяся женщина решила укрыться в парковой зелени, чтобы перевести дух. Не имея при себе ни одного рекомендательного письма, ни доверительной записки, ни личного документа, которые, верно, могли бы поспособствовать в достижении задуманного, Катя неспешно брела по краю аллеи парка вдоль Кронверкской дуги. Время незаметно опустилось к вечернему, и тёплый солнечный день сменился весьма ощутимой прохладой. Серое осеннее небо нависло над огромным городом, и мелкий дождь заморосил над Александровским парком, покрывая мокрыми точками и так не до конца просохшую с ночи почву – обычное дело.

Заметив торговца в глубине парка, который за весьма недешёвую цену предлагал гулявшим различные сладости, Катерина вдруг вспомнила, что за весь день она так ничего и не съела, если, конечно же, не считать утреннего чая перед уходом, выпитого второпях ещё в доме двоюродной тётки.

Подойдя к небольшой лавке, женщина разочарованно рассматривала различные пирожные и конфеты, понимая, что это совсем не то, чего бы она хотела приобрести. Румяный калач или бублик, да пусть даже кусок обыкновенного хлеба был бы сейчас более кстати, но ничего похожего поблизости Кате на глаза не попало, а возвращаться назад в небольшой магазинчик, торговавший выпечкой на углу Гулярной и Кронверкского, она не хотела, потому как было далеко и не с руки.

– Купи, красавица, пирожное, или же конфету загранишную, хочешь? Всё самое вкусное, всё самое свежее перед тобой, – расхваливал свой товар лавочник.

Это был средних лет мужчина – где-то годков на десять постарше её, Катерины, с небогатой, но аккуратно начёсанной бородкой, при картузе и фартуке, надетом поверх светлой косоворотки из грубой, недорогой мануфактуры.

– А что ж, калачей-то вовсе нету? Или же баранок каких?

– Зачем тебе баранки, деревня? Вот купи конфету французскую, «Труфалье» называется! Домой воротись – всем хвастаться станешь. Среди бела дня со свечкой весь Петербург обойди – нигде более такого лакомства не сыщешь. А у меня – вот, есть!

Осмотрев предложенный торговцем товар, Катя всё же купила себе петушка на палочке за три копейки, в надежде сладким перебить усиливающийся голод. Всё одно дешевле, чем это, у него больше ничего не было, хотя, признаться, алтын – не такая уж и малая цена за один леденец.

*

* *

Пейзаж перед глазами вдруг ни с того ни с сего пошатнулся и поплыл: листья в проливе, деревья, сам пролив и даже крепость – всё стало вдруг матовым, как будто кто-то специально подвернул фокус объектива. Силуэты расплывались, потеряв резкость очертания.

Это совсем не больно, только немного страшно оттого, что мозг всё ещё продолжает принимать и оценивать, а вот удерживать контроль отказывается. Беспомощное состояние.

– Эй... Эй, – приглушённо послышалось где-то не то вдалеке, не то в глубине. Но вот звуки становятся всё ближе и куда отчётливей.

– Ну что вы стоите, мамаша? Машите на неё чем-нито, да вон хоть книгой ентою, что ли...

Светлана Сергеевна медленно открыла глаза. Пелена ещё не прошла, но мутные силуэты начали приобретать различные цвета; было душно, а под языком всё ещё сохранялся сладковатый привкус.

– Здравьичка Вам! С прибытием! Что ж это Вы, красота моя, вздумали тут? Вон и бабеньку Вашу напужали чуть не до смерти.

Какая-то незнакомая женщина смотрела ей прямо в лицо с близкого, почти вплотную, расстояния. Не старая вовсе, хотя и несколько старше самой её, Светланы Сергеевны.

– Посидите тут пока, я быстро. Натё-ка, вот Вам.

Женщина протянула петушка на палочке, а сама спешно направилась вниз к проливу, снимая на ходу с головы белую косынку.

– Да что ж это, Царица-Мать Небесная, Пресвятые Угодники! – Марфа, обеими руками прижимая книгу к своей груди, перепуганно смотрела на Светлану.

– Марфа, кто эта женщина?

– Мимо шла, дай Бог ей здоровья на долгие лета: тебе ж как нехорошо-то вдруг стало, я Вам «Света, Света», а Вы – ну прямо никакая вовсе стали! С лица-то прямо и спала вся.

Катерина скоро вернулась, держа в руках мокрую тряпицу:

– Ну вот и хорошо, румянец вертается туда, где ему быть и положено, – приговаривала Катя, обтирая лоб Светлане Сергеевне. – Спужались? Напрасно – это в вашем положении нормальное дело, такое со всякой бывает. Да Вы леденец-то помалсите, помалсите. Ну как, лучше Вам?

– Да, спасибо, гораздо лучше. Только пить хочется.

– Так, а Вы не побрезгуйте, да губы-то платком и оботрите. Давайте я Вам пособлю, чай, я только сверху в воду кунала – не должна бы сбаламутить-то.

Платок и правда был достаточно холодный, и Светлана Сергеевна почувствовала улучшение.

– А то хотите если, я Вас могу до дома проводить, далеко ли Вы проживаете?

– Не очень – в доме мадам Цеховой. Но удобно ли вам будет? Быть может, у вас свои дела какие имеются?

– Да мои дела не убегут – все при мне останутся. Встать Вам помочь, или же сами?

– Проводи нас, дочка, проводи, не бросай уже на полдороге-то. А я за тебя свечку в церкви поставлю и о здоровье помолюсь, – причитала Марфа, обвиняя себя в собственном бессилии.

За более чем восемьдесят с лишним лет годы сделали из когда-то лёгкой на подъём крепостной Марфушки невысокого роста худощавую, пожилую женщину с морщинистым лицом, которая, всюду неспешно передвигаясь, всегда опиралась на деревянную трость, когда-то подаренную ей её же в прошлом воспитанницей – матерью самой Светланы Сергеевны.

Дойдя до дома мадам Цеховой, Катерина уже было собиралась распрощаться с женщинами, понимая, что она им совершенно не ровня. Это заключение Катя сделала, обратив внимание на их изысканные, хотя и неяркие туалеты из дорогих тканей.

– Я бы хотела вас просить подняться и отобедать с нами, – предложила Светлана.

Вот уж воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Глава

Лёха леди

Лёха Блембенский по кличке Леди был честным вором. Работал Лёха на Петербургской стороне и закидывал руку в карманы прохожих и дамские сумочки исключительно там, где ему заблагорассудится в тот или иной момент: конки, вокзалы, магазины, Сытный рынок или просто людные места, где можно было с легкостью раствориться в толпе – Лёха в шутку называл своими «рабочими кабинетами». Работал Леди исключительно один, что позволяло ему тратить время на собственное усмотрение или по настроению.

Руки щипача – это главный инструмент, а тщательный уход за ними – это страховка от нежеланного брака в работе, за который расплачиваются не звонкой монетой, а годами собственной жизни.

Гладкие, нежные, с тонкими и длинными, как у пианиста, пальцами кисти рук Лёха холил и лелеял. Каждый вечер строго в одно и то же время молочница приносила Блембенскому на дом трехлитровый бидон парного молока с вечерней дойки, и он до получаса отмачивал свои руки в коровьем молоке. Затем, вытерев насухо махровым полотенцем, втирал в них французские и польские крема, которые приобретал в аптекарской и парфюмерной лавке «Товарищества А. Ралле и Ко», чаще всего под заказ. Кожа на руках от таких процедур была бархатная, нежная и более чувствительная. Не всякая знатная дама могла похвастать такой кожей иногда даже на своём теле. За эти руки Лёха Блембенский и получил себе кличку «Леди».

Воровской закон Леди чтит и уважал. Не желая покрывать своё имя тенью сомнений и подозрений, Лёха всякий раз после работы заходил на адрес к одному доверенному «бобру» и отдавал тому процент от дохода на общее воровское благо.

Бобрами в ту пору в воровской среде называли понимающих толк в торговом деле людей, которые стояли над барыгами и контролировали их работу. Зачастую большую партию, добытую ворами, состоящую из вещей «мануфактуры» или продуктов, которую необходимо было продать, принимал сам бобёр, а потом уже он и распределял товар между барыгами, которые и должны были обменять его на деньги или золото.

Жизнь Лёха Леди предпочитал вести тихую и незаметную. Он без сожаления растрчивал «честно заработанное», а в кабаках не кутил, да и вообще презирал спиртное, считая, что оно только мешает в работе.

Блембенский занимал на долгий срок комнату в шесть квадратов на первом этаже дома номер девять в Мытнинском переулке, и гостей к себе никогда не звал. Соседи не сразу, конечно, но всё ж прознали про Леди (знамо дело, по догадке своей или же с бабских сплетен), но сильно не расстроились, а, напротив, с облегчением вздохнули:

– Пока он с нами проживает, то и нам за своё добро переживать нечего. Такой сосед понадежней любого сейфа будет, – судачили между собой старухи.

Но больше всех Лёху Блембенского уважали, конечно же, местные коты и кошки, которым ежедневно доставался почти полный тазик молока. Сами же хвостатые перед Лёхой подолгу в долгу пребывать не желали и неоднократно оставляли ему под дверью недавно пойманную мышь – «вот, мол, ты не подумай чего, мы не на дармовщинку вовсе, а вот – от нашего стола вашему».

Леди это понимал и добродушно подкидывал «подгон босяцкий» Капитоновне, живущей через стенку. Капитоновна трудилась посудомойкой на кухне, и лохматая банда мышинных душегубов иногда получала от неё рыбные обрезки.

Ремесло своё Лёха Леди любил и, практикуя его, доводя до совершенства, всегда испытывал удовольствие от куража и риска.

Значительно обширная по масштабам площадь Петербургской стороны (впрочем, как и всех других районов Петербурга) была поделена между преступниками на территории, где каждый промышлял на своей земле и на соседний участок без разрешения носа совать не смел. Но Леди Блембенский именно этот пункт воровского уговора игнорировал, свободно передвигаясь по всей Петербургской стороне, и только желая поработать в других районах, всегда спрашивал разрешения. Такое самовольство Лёхе позволяли лишь потому, что доля, которую регулярно заносил Лёхин бобёр, всегда была гораздо выше, чем у остальных, да и в гостях Блембенский особо не задерживался.

Воры народ недоверчивый, тут уж ничего не поделаешь – натура у них такая. Поначалу, конечно, у многих было подозрение на то, что Лёха Леди всё одно недостаточно отчисляет процент от своей добычи: что, мол, прячет, умыкает да и ведёт он себя не как положено фартовым людям, а, скорее, как какой-то прыщавый студент. За Лёхой ставили «тень» – какого-нибудь малоприметного подростка или же юродивого калеку. Однажды даже наведались к нему в Мытнинский, когда Леди отсутствовал, но, не найдя веских причин, всё же угомонились.

Несмотря на свой мягкий и невспыльчивый характер, что, конечно же, было редкостью в преступной среде, Блембенский всё же обладал волчьим чутьём и без труда замечал своих «проводящих», что вызывало у него больше насмешку, нежели оскорбление на свой счёт.

В общем, репутация у Лёхи Леди была безупречной – не подкопаешься.

А выглядел Леди и правда, скорее, как студент-семинарист, нежели как убеждённый отступник государственного законопорядка. Большие, наполненные светом чёрные глаза, густые, тёмные волосы, зачёсанные назад, почти никогда не сходящая с юношеского лица лёгкая улыбка – он пользовался вниманием женщин, которые были часто несколько старше его. С хорошенькими студенточками или простыми из крестьянского сословия женщинами Лёха Блембенский встреч избегал, потому как у тех нечем было поживиться, а с распутными девушками и подавно – тем нужно было ещё и приплачивать. А вот светские замужние и обеспеченные дамы, которые за годы супружеской жизни уже начинали скучать по романтическим сценам и вниманию со стороны молодых кавалеров к собственной персоне, да вдобавок к этому были ещё весьма и весьма не бедны – то уже дело совершенно иное.

Эти пышногрудые и пышнотелые особы и были объектом пристального внимания Леди. А многие даже были и вправду настолько хороши, что Лёха оставался у них на всю ночь и, «сбросив пар», уходил только на следующее утро, естественно при этом не забыв, конечно же, прихватить с собой на память о встрече всё, что посчитается необходимым.

Дамские шкатулки с драгоценностями трещали, как грецкие орехи, после пылких ночей в объятиях Лёхи Леди. Иногда убыток от потерявших голову жён несли и ни в чём не повинные мужья, беспечно оставлявшие часть денежных средств в ящиках письменных столов или же в книжных шкафах. Царские ассигнации Блембенский равнодушно, не пересчитывая, легким движением мягких и нежных рук тут же отправлял в свой карман и покидал гостеприимный дом всегда исключительно по-английски.

Вот и в этот раз, покидая спальню очаровательной Прасковьи Генриховны, жены одного знатного господина, который, поговаривают, водил дружбу аж с самим генерал-губернатором города Санкт-Петербурга, Блембенский, заметив в окне промозглую погоду, предусмотрительно накинул на себя английское демисезонное пальто мужа, висевшее на бронзовой скульптуре в виде фонарного столба и служившего вешалкой.

Выйдя из парадной доходного дома номер двадцать два на улице Большая Дворянская, что принадлежал купцу Г. А. Шульце, Лёха тут же наткнулся на цветочницу, которую, видимо, хозяйка цветочной лавки отправила под дождь на заработок. Та нехотя плелась, неся полную корзину цветов, совершенно не представляя, кому их можно предложить в такое ненастное время. Цветочница – совсем ещё девочка, лет четырнадцати, а может, чуть меньше – зябка

ёжилась, закрывая нос от мокрого ветра краем платка. Достав из кармана ассигнацию в десять рублей, Леди купил у девочки всю корзину, но вынул только одну розу, сунул её за пазуху английского пальто и, свернув с Большой Дворянской на Малую Дворянскую улицу, молча, быстрым шагом направился в сторону Александровского парка.

Глава

Осень Петербурга

Назад к тётке на Большую Разночинную Катя вернулась, когда уже легли сумерки, погружив город в состояние полудрёмы. Но в доме не спали, с беспокойством ожидая Катерину, и как только та вошла в дверь, тётка уже встречала её у порога:

– Долго ты, я уже что только не передумала – не случилось ли чего?

– Ой, да я уж и сама не знаю, как так вышло, а только заплутала я малость. Вроде помню, что туда иду, а дома всё другие да незнакомые. Три раза дорогу спрашивала – спасибо, добрые люди направили куда следовать. Дочка-то моя хлопот вам много ль доставила?

– Да ну какие с ней хлопоты? Когда надо покормила, когда надо перекутала – вот и все заботы. Да и в охотку мне, старой, опять же – давненько я с детками не баловалась, соскучилась.

А в обедах дождалась я, пока она заснёт, оставила её, а сама скоро дошла до Князь-Владимирского собора, что стоит между Церковной улицей и Александровским проспектом, недалеко от Тучкова Буяна у Малой Невы, да разузнала о том, когда прийти туда, затем чтоб Лушеньку окрестить можно было. Вот как раз на Рождество Богородицы – так лучше повода и придумать нельзя.

– Да я-то что, я-то не против – дело доброе, только вот уж и не знаю, как быть-то теперь? Чай, я тоже не даром весь день ноги била – отыскала всё ж для себя место, слава тебе Господи. Да уж такое ладное, что и боязно даже – не уверена я, что справиться смогу.

– Да что ж это за место за такое?

И рассказала Катерина вкратце, как свела её судьба с госпожой Бобровской, как та сама пригласила её в дом свой отобедать. Как на равных сидела она за одним столом со всей семьёй ихней, и даже Гаврила Ермолаевич сам предложил ей место подле себя. А от денег, которые их благородие опосля предлагать стали, она отказалась. Да не потому что не нуждается вовсе, а потому как не должен никто за помощь ближнему плату взимать. Не по-божески это.

А за чаем расспрашивать стали – кто она да откуда? Зачем в город прибыла и на что рассчитывает здесь обосноваться?

Ну а уж после того как Катя всё как на духу рассказала, то и предложил их благородие Гаврила Ермолаевич взять ей, Катерине, на себя обязанности по присмотру за супругой его:

– Так и сказал, что, мол, «будете навроде „фрельны“ при моей царице». Да не задарма вовсе, а за ежемесячную уплату. Вот только документ всё же принести да показать надо, а то ж я, разиня, утром метрику-то свою так и не взяла – забыла.

– Ну так а чё ж тебе, дурёха, боязно-то? Ишь, какое место подле господ, как у Христа за пазухой, в первый же день нашла – видать, любит тебя Господь-то!

– Так, чай, знатная дама, Светлана Сергеевна, вся такая... – Катерина плавно развела руками, показывая тётке манерное поведение Бобровской, – это же не кастрюли-сковородки и не таз с бельём. Где она, а где я – вот и боязно!

– Ничего, пообвыкнешься, а то и наберёшься чему, попутно-то. А за дочку не переживай, без тебя управлюсь. Чай, не чужая – у меня, может, окромя этой крохи и нет никого во всём белом свете. Сама окрещу, сама и крёстная мать буду.

На следующий день Катерина, взяв с собой единственный имеющийся документ – выписку из церковной книги, метрику – отправилась на Каменноостровский проспект к дому мадам Цеховой.

Время было уже не такое раннее, дворники, убрав положенные им территории, уже перестали махать метлами и просто стояли, подпирая плечом угол дома. Кто-то задумчиво курил, а многие и вовсе убралась с глаз долой.

Все, кто шёл трудиться, давно уже покинули улицы, заняв собой работные или служивые места, и город выглядел полуопустошённым. Ну разве что изредка где-то промелькнёт либо извозчик, либо молочница, несущая заказ к назначенному часу.

У бабьего лета срок недолгий: погода быстро испортилась, мелкий и холодный дождь моросил с мрачного, серого неба, на улицах стало холодно и сыро, Петербург медленно начал готовиться к долгой и ветреной зиме.

Укрывшись шерстяным платком, предусмотрительно взятым у тётки, Катерина, обогнув Кронверкский, уже было собралась выйти на Каменноостровский проспект со стороны Александровского парка. Навстречу шёл молодой мужчина на вид чуть больше двадцати, одетый в пальто с недлинными лапами, но почему-то без головного убора. Да Катя бы и не заметила его вовсе – она, спрятав от непогоды лицо в платок, хотела бы поскорей зайти в парадную дома, где проживали Бобровские, но молодой человек протянул ей алую розу, бережно вынутую из-под пальто:

– На, красавица, возьми. Может тебе чуть теплее станет?

Катерина смутилась от неожиданного внимания, но цветок машинально взяла.

– Да не бойся, денег не попрошу, просто настроение хорошее – вот и хочу я с тобой это настроение разделить.

Вручив «хорошее настроение» первой встречной, молодой человек пошёл дальше своей дорогой как ни в чём не бывало, а Катя прижала розу к груди, прикрывая краем платка, и через несколько минут свернула к парадной дома мадам Цеховой. Однако приятный запах, исходивший от прохожего, то ли от одеколона, а то ли от крема, она всё ж услышала даже на улице и при дожде, но значения не придавала – было не до того.

Докладывая швейцару, который годился ей в отцы, к кому она и по какой надобности пришла, Катя испытала робость перед этим важным человеком в форменной фуражке с галуном, стоящим при входе.

– Знаю. Ещё с вечера Гаврила Ермолаевич лично в известность посветили. Проходи.

– Спасибоочки, дядечка.

– А ну стой пока. Звать-то тебя как?

– Катя. Катя Ложкина я, у меня и метрика имеется...

Катерина уже было собралась достать и показать единственный документ, но швейцар слегка махнув только кистью руки, остановил её:

– Пустое, мне это без надобности. А меня Матвейчем зови. Все зовут, и ты так звать станешь – поняла, что ли?

– Поняла, – ответила она и скрылась за дверью парадной.

Опустив розу в изящную вазу, так кстати стоявшую на подоконнике окна лестничной площадки второго этажа, вид из которого выходил на тыльный двор, Катя робко постучала в дверь Бобровских.

* * *

Осень грозной и властной императрицей взошла на престол: зарядили студёные дожди, неустанно заливая город; шквалистый ветер, дующий с залива, проникал в самую душу – он часто ломал, выворачивая наизнанку зонты, отчего те становились похожими на большие десертные вазочки огромных размеров, нежели на цирковой купол в миниатюре. Ветер выры-

вал из рук прохожих эти хрупкие, утончённые аксессуары, и те, ненадолго взлетая, пускались в самостоятельное путешествие, а падая, неуклюже перекатывались по мостовой.

Несколько позже, когда эти изящные устройства войдут в широкий обиход и станут более доступны, Петербург твёрдо закрепит за собой репутацию «города сломанных зонтов».

Прогулки в Александровском парке становились всё реже, а потом и вовсе прекратились, и Светлана Сергеевна долгое время просто молча стояла у окна, кутаясь в накинутую на плечи мягкую шаль из белой шерсти:

– Катя, может, сходим ненадолго на улицу – дождь вот-вот того и гляди закончится?

– Ещё чего выдумали, барыня! За окном ад крошечный, хороший хозяин собаку на двор не выпустит. Не дай бог, простудитесь – что я тогда мужу вашему, Гавриле Ермолаевичу, говорить стану? И думать нечего!

Марфа поначалу часто ссылалась на недомогание, а после и вовсе слегла.

Катерина хлопотала по дому, стараясь угодить обеим женщинам, и очень переживала за то, что в любую минуту может получить расчёт за ненадобность. Она по своему разумению думала, что попусту проводит время, и чувствовала себя лишней в доме среди этих людей.

Приглашённый врач, снимая фонендоскоп и убирая его в докторский саквояж, сказал, что он помочь ничем уже не может – видимо, срок, который Господь отвёл старой няне, подошёл к концу.

А к исходу октября, на день Иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», схоронили Марфу на Смоленском кладбище и заказали долгую службу за упокой в Смоленской церкви, стоящей неподалёку.

Фамилию рабы Божией Марфы, как оказалось, так никто и не вспомнил. Да и нужна ли фамилия та, уж коли за всю жизнь она так ни разу и не понадобилась, а для Бога – там и одного имени более чем достаточно будет?

Вечера

*Ой люли-люли-люли,
Прилетали к нам гули,
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать.*

Негромкий напев смешивался с едва разборчивым перестукиванием вязальных спиц друг о дружку. Женщина устроилась подле окна, недалеко от кровати, на которой лежала Луша, обложенная подушками, – нехитрая додумка мамок, нянек и прочих сиделок, чтоб освободить себе руки.

В комнате было недостаточно тепло, но вовсе не зябко, да и грелка, которую крёстная подложила за подушку, своё дело правила. Дни, походившие один на другой, протекали по-разному: когда летели, как скаженные, а когда тянулись, словно повозка с задремавшим во хмелю извозчиком после трудовых будней, но скучно вовсе не было. Девочка разглядывала комнату, иногда издавая простые для произношения и сложные для понимания звуки – то ли хотела подпеть крёстной вторым голосом, а то ли спросить ту о чём-то своём.

Нет, на улице во дворе оно, конечно, было куда интересней, тут и спорить нечего. Там и кошки, и собаки всякие, и птицы прилетали разные, да и ветер, если только не сильный, а так, слегка. Всё вызывало эмоции: хотелось потрогать да и неплохо бы было попробовать это на вкус – всё, даже ветер! Но в последнее время во двор стали выходить реже, а если и выходили, то из-за дождей ненадолго. Хотя дождь и потрогать и попробовать тоже было бы нелишним.

Но вот заунылая песня, которую женщина монотонно тянула по очередному кругу, вдруг смолкла, и стук спиц тоже прекратился. Луша, повернув голову, взглянула на крёстную – та спала сидя на стуле, склонив голову на низ.

Короткий звонкий визг разлетелся по комнате прогнав тишину.

– Ну и чего ты, красавица моя, не спишь? Чего колобродишь? Опять мамку ждать станешь?

Ребёнок улыбался, широко открыв рот без единого зуба, и махал руками.

* * *

Леди сидел на кровати у себя в комнате и, зажав зубами папиросу (а курил Лёха исключительно только папиросы), тщательно разглядывал демисезонное пальто. Зажмурив один глаз, в который так и норовил забраться табачный дым, он на ощупь, дотошно просматривал каждый шов, каждую строчку. На изнаночной стороне полы пальто обнаружился штамп английского торгового дома «Crombie».

– Да, знатная вещица! Жаль, что нельзя оставить для форсу, – подумал Блембинский вслух, и, откинув англичанина на рядом стоящий табурет, вынул аккуратно, двумя пальцами папиросу изо рта – уж больно приметная. Надо будет бобру скинуть – пусть продаст.

Пальто и вправду было роскошное, что и делало его весьма заметным: чёрного цвета, не особо длинное, из шотландской шерсти, с бархатным воротником на алой шёлковой подкладке.

Лёха, ещё раз затянувшись, выпустил серо-голубой дым в потолок и разлётся на кровати, мечтательно заложив обе руки под голову – после сегодняшней работы нужно было немного отдохнуть, ближайшие дня три-четыре Леди на людях появляться не планировал.

* * *

Едет царевич задумчиво прочь.

Будет он помнить про царскую дочь.

Светлана Сергеевна закрыла книгу и повернулась, несколько отойдя от окна, вид из которого выходил на Каменноостровский проспект. Бобровские занимали ровно половину второго этажа в доме фасадного корпуса.

Катерина расставляла обеденный сервиз, помогая горничной накрывать на стол – Гаврила Ермолаевич должны были вот-вот появиться со службы.

– Ну и что вы, Катя, обо всём этом думаете?

– Об чём, барыня?

– О том, что я сейчас прочла, и не барыня я совсем никакая.

– Ааа... Так оно и понятно – всему этому мужичью только одного и надо, все они, как репа с одной грядки. Вот разве что муж ваш, Гаврила Ермолаевич, так тот – нет, он другой – хороший и добрый.

Катя, не отвлекаясь, продолжала сервировать стол, попутно поправляя скатерть. Бобровская, улыбаясь, прикрывала рот томиком Лермонтова – лесть деревенской простушки была куда приятнее заученных и отрепетированных комплиментов со стороны давних, скорее, даже забытых знакомых, с которыми встречаться приходилось чаще случайно, на улице.

– Катя, я вас попрошу с сегодняшнего дня занять место Марфы – теперь это будет ваше место.

Катерина попробовала слегка присесть в знак благодарности, как это часто делала горничная Оля, получая очередное распоряжение, но вышло как-то скомканно, неуклюже.

Сам Бобровский прибыл как всегда вовремя и, передав мокрый с улицы зонт Ольге, сняв пальто, прошёл в обеденный зал.

- Доброго вечера, почтенные дамы!
- И вам здравствуйте, Гаврила Ермолаевич!

За ужином, после того как каждый занял своё место, Светлана Сергеевна, не нарушая традиции, задала вопрос, который и по сей день беспокоит всех порядочных жён:

- Что нового сегодня произошло на службе, Гаврила Ермолаевич?

– Дерзкое и странное ограбление произошло не далее как третьего дня на Большой Дворянской, где преступник – неясно пока, один или в сговоре с кем – забрался в дом к одному весьма почтенному господину. Положение в обществе, которое занимает этот самый господин, настолько высокое, что я не смею произносить его имени-отчества вслух даже при вас, душа моя, Светлана Сергеевна. Поскольку дело об ограблении было переведено под юрисдикцию жандармерии (тайной полиции), то и расследование будет вестись скрытно.

– От такой строжайшей секретности любопытство невольно разгорается с такой силой, что... Ну расскажите же хоть что-нибудь, пусть даже без фамильных подробностей!

– Пока мало что известно: непонятно, как преступники проникли внутрь, потому как ни верёвки на крыше, ни лестницы под домом обнаружено не было. Швейцар у парадной божится, что внутрь через него никто не проходил, да и дверь всю ночь была закрыта. До смерти напуганная жена, которая до утра оставалась совершенно одна, даже без единой прислуги, которую сама же и отпустила накануне, толком ничего объяснить не смогла.

– Вот как. Одна. А где же находился всю ночь муж с высоким положением в обществе и без фамилии?

– Муж всю ночь провёл на заседании закрытого клуба, в членстве которого он состоит, и сообщил, что занимался решением вопросов городского совета, поскольку является депутатом данного ведомства. Наши агенты сыскного бюро, прибыв на место, провели осмотр, завели дело, а после и передали его по указанию сверху от самого градоначальника, который является и моим прямым начальством, в Отдельный корпус жандармерии.

- Ну и каково же ваше мнение на сей счёт?

– Я полагаю, что виной всему послужило безнравственное поведение обоих супругов и моральное падение, о которых сегодня всё чаще предпочитают забывать в свете. И думаю, до тех пор, пока жена этого самого господина не прозреет, то и дело будет оставаться нераскрытым.

Сегодня в привычку начинает входить наличие амнезии, когда речь заходит о достоинстве, в коем должны себя представлять те, кто решился взять на себя ответственность в решении государственных вопросов и задач. И чем должность чиновника выше, тем амнезия обширнее и больше вопросов возникает к чистоте его морального облика и нравственному поведению. Сегодня всё больше появляется людей, испытавших моральное падение, которые позволяют себе открыто сомневаться в силе Божьего слова и влиянии самой Русской Православной Церкви, а это уже угроза безопасности не только для верующих прихожан, но и для России как государства в целом. Вот вы, Светлана Сергеевна, как считаете – в чём сила России и русского духа?

– В единстве простого народа и правящих ими элит во главе с царём-помазанником Божьим?

– Вовсе нет. Сила русского духа заключена в вере. Религиозная вера в Бога есть твёрдая и единственная опора под ногами русского человека, основа и стержень верующего. До тех пор, пока будут идти службы в православных храмах и церквях, пока будут звучать молитвы, до тех пор, пока, славя Господа, будет звонить хотя бы один колокол, Россия будет стоять, и ни один враг не в силах покорить её.

– Надо же, никогда не замечала ранее за вами такой религиозности – вы же образованный человек, изучавший в своё время естественные науки.

– Это правда, мой ангел, я не принадлежу к числу тех, кто по зову сердца всё свободное время готов бить поклоны перед каждой иконой, но наблюдая сегодняшнее поведение тех, в чьих руках находится судьба государства, я более убедительного обоснования для себя не нахожу. Известно ли вам что-нибудь о старце Григории, прибывшем в столицу из Сибирских земель ко двору самого Государя?

– Да, я слышана о нём, но слухи настолько противоречивые, что стоит ли в них верить?

– Я, Светлана Сергеевна, состою на службе в таком ведомстве, где всерьёз относятся ко всякими слухам.

Катя всё это время тихо сидела, совершенно не притрагиваясь к еде, и внимательно слушала беседу Бобровских, мало что понимая, но спросить пояснения не осмелилась, потому как боязно.

– Ну так а что же грабители, неужели они и вышли так же незаметно, как и вошли?

– Представьте себе! На открытом настежь окне, через которое якобы ушли преступники, не обнаружено ни единого следа. Правда, девушка, торгующая цветами вразнос, при опросе рассказала, что в то утро какой-то молодой барин, выкупив всю корзину, не пожелал забрать покупку с собой, а ограничился тем, что взял всего только одну розу и спешно ушёл, свернув с Большой на Малую Дворянскую улицу. Это, надо заметить, очень расточительный поступок даже для обеспеченных господ, учитывая то, что заплатил неизвестный аж десятью рублями царской ассигнации. Как выглядел покупатель, девица, конечно же, описать не смогла – вспомнила лишь то, что пахло от него приятным ароматом.

Вот, собственно, и всё, что можно об этом рассказать.

Светлана Сергеевна отодвинула тарелку, немного не доев свой ужин:

– Ольга, не пора ли подавать чай?

Катерина сидела на стуле, как пригвождённая, боясь пошевелиться. Мысли в голове все перепутались, и было даже несколько страшно от такого количества непонятого.

Глава

Два «фрегата»

В дверь постучали, и Натан Ефимович Каплан сначала аккуратно, бережно закрыл книгу, заложив в нужном месте, потом подошёл к окну и внимательно осмотрел двор, после чего неспешно направился к двери. Все, кто приходили к Каплану за какой-нибудь надобностью, давно были в курсе, что Натан Ефимович спешить не любит.

– И кто здесь стучит, словно он ночной стражник Багдада?

На пороге стоял мальчик лет шести или около того, который держал в руках холщовый мешок, и не пустой. Каплан взглянул на мальчика поверх очков, выражая приятное удивление:

– Ааа, Миколка, проходите, юноша, прошу вас.

– Вот, Леди передал.

– А сам он где, я стесняюсь спросить?

– В табачную лавку зашёл – папиросами затаривается, придёт скоро.

Старик посмотрел на мешок, потом на Миколку, раздумывая и соображая:

– Ты вот что: постой-ка здесь, я сейчас приду. Есть для тебя одно дело.

– А поесть дашь? – уже в спину неспешно уходящему Натану крикнул мальчик.

– Вот тебе пирог с рыбой, на – держи. Вообще-то, в твоём возрасте пора бы уже самому провиант искать, а не выпрашивать, как калека на паперти. На-ка вот, возьми конверт: сходишь в Конный переулочек и опустишь в ящик, потом снова придёшь сюда. Всё понял?

– Понял, сделаю, а в какой ящик-то?

– Будешь задавать глупые вопросы – отниму пирог.

– Ага, как же, догони сначала!

Мальчик быстро начал спускаться вниз по лестнице, на ходу откусывая от пирога.

– Знаешь ли ты, босяк, как быстро я могу бегать?! – кричал старик Каплан на низ сквозь пролёты, держась обеими руками за перила.

– Знаю! Как Фрегат! – весело донеслось снизу.

– Ну конечно... – вполголоса отвечал Натан Ефимович уже самому себе, – именно сегодня тот самый последний день, когда ты не захочешь больше кушать.

Закрыв дверь на запор, прекрасно зная, что Леха Леди вот-вот должен подойти, Натан Каплан снова подошёл к окну и стал ждать, разглядывая двор через вечно немытое стекло. Скоро в дверь опять постучали:

– Наше вам, почтенный Фрегат!

– Проходите, молодой человек. Как ваше здоровье, Алексей?

– Спасибо, вашими молитвами, Натан Ефимович, только вашими.

– Учítывая то, что вы как всегда пришли не с пустыми руками, осмелюсь предложить вам чай.

Желаете?

– Не откажусь.

В молодости Натан Каплан занимался тем же самым, что и сегодня. Еврей по матери, он всё же был недостаточно чистым наследником своего народа. Его отец, армянин по национальности, бросил его мать, как только узнал, что та ждёт ребёнка. И хотя мать назвала имя своего деда, когда её спросили кто отец мальчика, это всё равно не помогло. Диаспора неохотно шла ей навстречу и всегда находила предлог, чтобы не помогать.

Получивший кое-как себе образование, Натан всё одно быстро освоил торговое ремесло, и жизнь медленно пошла в гору. Скоро осознав, что честным трудом заработать можно только

грыжу или геморрой, Натан, по воле случая связавшись с преступным миром, начал перепродавать краденое, а со временем обзавёлся званием доверенного бобра. Но Каплан никогда не хотел преступать закон, он просто всегда желал иметь свой собственный и скромный гешефт. Что в том плохого?

Была у Натана Ефимовича в молодости одна слабость: он с ослепительным вдохновением любил делать ставки на бегах. На ипподроме Каплан буквально терял голову и отказывался отдавать отчёт своим поступкам. Причём ставки, порою достаточно высокие, он почему-то всегда упорно делал на одну и ту же лошадь, хотя та была всегда явным аутсайдером. Натан никогда не сдавался и верил, что вот именно сегодня именно она придёт первой. Да и кто осмелится запретить верить, отобрав тем самым у человека надежду?

Жеребца звали Фрегат.

А когда Фрегата всё же отвели на бойню, посчитав, что он просто даром ест свой овёс, то воровской мир отреагировал мгновенно, передав благородную кличку скакуна, наверное, единственному в мире человеку, который верил в него до последней минуты.

Так Натан Ефимович Каплан сам стал «Фрегатом». Надо заметить, что после смерти любимого скакуна Каплана на ипподроме больше никто не видел.

– Скажите, Алексей, что вы себе позволяете, я тысячу раз извиняюсь за своё любопытство?

– А что случилось?

– Пока ничего, но если вдруг случится, то это ж ни боже ж мой! Ваш последний фестиваль наделал такой переполох, что впору, как говорят люди вашей профессии, «смазывать лыжи».

– Я не совсем понимаю, о чём речь.

– А я объясню, мне не трудно: вы знаете, в чьей койке вы ночевали в последний раз? Уверен, что нет. Так вот, вы обнесли дом близкого друга самого генерал-губернатора, и теперь вашей персоной интересуются не простые полицейские, а сама жандармерия – а эти работать умеют.

– Натан Ефимович, продайте мне ту газету, из которой вы читаете такие подробности, – я хорошо заплачу, я нежадный.

– Поймите меня правильно: я вовсе не хочу, чтобы с вами, не дай бог, что-то случилось. Я уже не так молод и в силу своего возраста не очень доверчив, мне нет желания принимать в этом доме чёрт знает кого. Вас, Алёша, я знаю и очень дорожу нашим знакомством, а поэтому, чтобы помочь вам, я просто обязан знать немного больше, чем бы вам хотелось. Теперь второе: вы знаете женщину, которой вручили розу из общей корзины?

– Клянусь, что нет, – это была просто первая встреча, да и к тому же по виду деревенская, не мой фасон.

– А между тем эта деревенская особа трудится в доме одного полицмейстера, а идиётам, на минуточку, такие должности не раздают. И потом: вы в курсе, что теперь та роза стоит в его вазе, как Александровский столп на Дворцовой площади? Раньше вы никогда не допускали таких промахов.

– Спасибо огромное за известие. Ещё что-нибудь, касаемое меня, есть?

– Пока нет. Я отрядил на тот адрес Миколку – он будет каждый третий день приносить для той вазы точно такую же розу. Попробуем придать этому недоразумению романтический аромат, только теперь уж и вы подыграйте нам и помогите самому себе.

– Что нужно? Я сделаю...

– Вы должны познакомиться с этой женщиной и поухаживать за ней какое-то время, пока наши розы не перестанут выглядеть подозрительно. Она, кстати, живёт с дочкой у тётки, на Большой Разночинной. И не смотрите на меня так – почти четыре дня, которые вы провели на отдыхе, мы таки за это время немного поработали.

– Ещё раз благодарю, с меня причитается.

– Ну это уж как водится, а теперь пойдёмте, вместе полюбуемся на вашу добычу. И кстати, Алексей, когда вы уже начнёте подкармливать своего адъютанта? Мальчик растёт и должен хорошо кушать.

– Знаете, Натан Ефимович, почему ваш Фрегат приходил всегда последним? Потому что всегда ел больше, чем нужно.

– Скажите, где я вам насмерть переехал дорогу, что вы так с удовольствием пляшете краковяк на моей любимой мозоли?

* * *

Мальчик, похоже, что беспризорник ну или просто шпана – в кепке большого размера и в пиджаке явно с чужого плеча, потоптавшись немного возле дома мадам Цеховой всё же, набравшись смелости, подошёл к Матвеичу, стоявшему на своём посту, держа в руках раскрытую газету, свёрнутую в трубку.

– Дядь, а дядь, слышь, мне пройти надо – вон туда, можно? – Миколка кивнул в сторону парадной.

– А ещё куда тебе надо?

– Да правда надо! Я вот только цветок в вазу на втором этаже поставлю и уйду.

Мальчик показал скрученную газету.

Матвеич, кажется, заколебался и просто молча смотрел на газету, раздумывая:

– Где ты это взял?

– Дядька какой-то на улице дал – обещал две копейки заплатить, если сделаю.

– Ну так а ты вон в урну выброси, а дядьке скажи, что, мол, исполнил.

– Неее, я крещёный, не хочу грех на душу брать. Да ты если боишься так, то можешь со мной пойти. Вот увидишь – только поставлю цветок в вазу, и всё.

Матвеич размышлял:

«А что, если... так... кто у нас во втором? Их высокородие Бобровский? А что, если сам Гаврила Ермолаевич таким образом внимание своей жене оказывает? Надо бы разузнать у него будет нонча вечером, как он со службы явится».

– А как выглядел твой дядька, что две копейки тебе посулил?

– Как, как – дядька он дядька и есть: выше меня.

Матвеич улыбнулся:

– Выше тебя и блоха, коли на задние ноги встанет. Ну ладно, только быстро и вместе со мной, чтоб я видел. Ясно?

– Ага.

Бережно достав из газеты свежую розу, Миколка засунул её в вазу, а завядшую уложил назад в газету и направился к выходу, прихватив свёрток с собой.

Глава

Встреча на Гулярной

Не спеша возвращаясь со службы, Бобровский размышлял, пытаясь выстроить свои соображения в логическую цепь. Учреждение, в котором трудился Гаврила Ермолаевич, находилось на том же Каменноостровском проспекте, только несколько глубже от Александровского парка. Но расстояние было не настолько велико, чтобы брать извозчика, поэтому полицмейстер всегда возвращался домой пешком. Благо погода вроде как позволила, да и разминка после сидячей работы опять же.

Он в первый же вечер обратил внимание на цветок, стоявший на окне лестничной площадки, ну а когда уже прочитал в отчёте о розе, взятой из корзины, то профессиональная интуиция сработала сама собой. Надо заметить, что аналитиком Гаврила Бобровский был действительно неплохим и к тому же весьма острого внимания.

Ещё в детстве, увлечшись произведениями Эдгара По и Уилки Коллинза, молодой Гаврила всегда пытался при чтении раскрыть преступление раньше, чем это сделает сыщик из романа, и всегда ликовал, гордясь собой, если удавалось разгадать сюжетное действие быстрее, чем это позволит сделать сам автор. И хотя маменька всегда негодовала, настаивая на том, что внимание следует уделять более важному, отдавая предпочтение римским и греческим философам ну или хотя бы Диккенсу, тяга к загадкам всё одно была куда сильнее и увлекательней.

Вот и теперь, стараясь мысленно связать воедино ограбление на Большой Дворянской с цветком, стоящим на этаже в его парадной, Бобровский, завлечённый азартом, ощутил приятные эмоции.

– Здравия желаю, ваше высококордие!

Чеканное приветствие, как бильярдный шар, влетело в голову и разрушило ход мыслей, которые скрупулёзно выстраивались, становясь похожими на хрупкий картонный домик. Их высококордие даже не заметил, что уже дошёл до нужного ему дома, и если бы не швейцар, то непременно бы прошёл мимо.

– Вечер добрый, Гаврила Ермолаевич, – Матвеич приветливо приподнял форменную фуражку, придерживая двумя пальцами за козырёк.

– Здравствуй, Матвеич, как служба?

– Нам что, нам служба нипочём – чай, мы люди бывалые!

Бобровский молча одобрительно кивнул головой и направился к парадной.

– Я извиняюсь, Гаврила Ермолаевич, минуточку вашу хочу для разъяснения, если позволите.

– Что у тебя, Матвеич?

– Сегодня утром, не то чтоб в самую рань, а так, часиков в десять тридцать четыре, доставили к вашим дверям амурный привет в виде розы. Я, не имея никаких на то указаний заранее, на первый раз позволил, полагая, что якобы это от вас. Но если это не так, то хотелось бы получить подробное распоряжение на этот счёт.

– А как же ты так, голубчик, примерное время до точной минуты определил?

– Так а что ж, это дело пустяковое. Вон, аккурат напротив, на углу дома, что завяртывает на Малую Посадскую, часы висят. Я хоть и не молод, но на глаза никогда не жаловался – ей-богу, десять тридцать четыре было!

– Значит, говоришь, розу принесли? Любопытно. А доставил кто?

– Да мальчишка беспризорный и доставил, сказал, что по поручению принёс, за две копейки. А от кого, чего – то неведомо.

– И что же?

– А ничего: я его проводил до вашей вазы, что на подоконнике стоит, он цветок в эту вазу, значит, засунул, а завялюю с собой забрал и ушёл. Всё. Так что, Гаврила Ермолаевич, неужто не от вас эта роза-то?

– Спасибо, голубчик. Ты вот что, Матвеич: если вдруг что-то подобное будет, ты мне докладывай немедленно, как сегодня, а вот жене моей, Светлане Сергеевне, и двум женщинам, которые в услужении у неё находятся, ничего говорить не нужно. Понял ли ты меня?

– Так точно, Гаврила Ермолаевич, понял! Так ежели этот шалопай опять объявится, может, я его того – за ухо да к вам?

– Я думаю, это лишнее – он же только цветок поменял, причём на твоих же глазах. Это ещё не является серьёзным преступлением и несерьёзным тоже. А тебе – ещё раз спасибо.

Поднявшись на второй этаж, Бобровский, подойдя к окну с видом во двор дома, внимательно осмотрел саму розу, заглянул внутрь пустой вазы, которая стояла здесь, казалось бы, всегда, изучил дно вазы и, не найдя ничего подозрительного, аккуратно поставил всё как было и привычным движением повернул ручку звонка входной двери.

А на следующий день, отдав только исключительно личное распоряжение на этот счёт, уже к вечеру читал отчёт, в котором было сказано, что роза эта выведена одной увлекающейся дамой – большой любительницей флоры, которая всё своё свободное время проводит в оранжереях Ботанического сада. Просто диву можно даваться, как это она сумела вырастить такую красоту в наших северных условиях. По её же настоянию и название эта роза имеет: «Петропавловская», поскольку стебель цветка никак не меньше, чем шпиль на колокольне собора Петропавловской крепости.

Закрыв папку с отчётными бумагами, полицмейстер Бобровский ещё долго молча сидел за письменным столом, мыслями своими находясь довольно далеко за пределами кабинета.

* * *

– Нус, Алёшенька... и что же вы собираетесь делать со всем этим богатством? Вы же должны понимать, что это очень много, а на рынок такое не носят.

– Ну, для начала нужно отнести щедрую долю на общее благо, чтобы и впредь без нервов ходить и не оглядываться по этому городу, который к нам относится с такой заботой. Жадность сгубила так много хороших людей – не стоит повторять их ошибок.

– Ну это само собой, – Фрегат понимающе развёл руками, терпеливо ожидая продолжения Блембенских рассуждений. Не желая торопиться сам, старый Натан всегда умел терпеливо ждать, не перебивая и не подгоняя собеседника.

– А остальное припрячете вы – у меня всё равно нет никого, кому бы я мог довериться больше чем вам, хотя вы и еврей.

– В общем, всё как обычно, – я так себе и думал.

– Послушайте, Каплан, а не могли бы вы организовать мне более-менее сносный костюм? Без излишнего шика, но не такой, чтоб на улице меня в нём приняли за дворника, у которого сегодня выходной день.

– А вы, молодой человек, полагаете, если Натан Каплан еврей, то он непременно должен быть портным?

– Нет, я так не считаю, но знаю, что среди ваших знакомых есть приличные портные.

– Да, но они стоят денег, у вас есть деньги, Алексей?

– А что, обязательно расплачиваться именно деньгами?

– Нет, можно зеркальцем или стеклянными бусами. Прекратите уже наконец выдавать себя за другого: вы не Кортес, а евреи не индейцы, давайте серьёзно.

– Я бы предпочёл за костюм расплатиться этим пальто – оно явно стоит в несколько раз дороже.

– Костюм за пальто? Это пальто можно будет использовать не раньше чем года через три. Сегодня выйти в нём на люди – равносильно тому, что идти по Невскому, неся на голове Большую Императорскую Корону, и думать, что так и надо.

– Не смешите, Натан Ефимович, кому нужно будет это пальто через три года? Оно выйдет из моды уже к весне следующего.

Фрегат удивлённо взглянул на Леди поверх очков:

– Эта вещь будет иметь спрос даже тогда, когда из моды выйдете не только вы, но и ваш адъютант, про себя уже я скромно промолчу. Ладно, я попробую для вас что-нибудь сделать.

Уже спустя неделю Лёха Блембенский разглядывал себя в зеркало шифоньера, стоя в новеньком костюме, который Миколка принёс по поручению Фрегата.

Темно-синий в кремовую полоску пиджак сидел не совсем уютно, потому как был изготовлен из недорогой ткани и грубовато вёл себя из-за своей новизны, но пошит был довольно прилично. Брюки в тон пиджаку были заправлены в хромовые, долго носимые, но всё ещё крепкие сапоги, которые Миколка старательно начистил, как только смог.

«Обносится», – подумал Леди и, отойдя от зеркала, направился к выходу. Время было вечернее.

* * *

Катерина вышла из квартиры Бобровских и, свернув с Каменноостровского на Кронверкский, направилась к дому тётки на Большую Разночинную. Настроение было приподнятое: сегодня Гаврила Ермолаевич выдали первый аванс – приятная радость: «Надо бы дочке купить что-нибудь или ... хотя нет, лучше всё тётке отдам – она знает, как нужнее».

Некий человек в суконном пальто, среднего роста и непримечательной внешности шёл следом поодаль, стараясь не привлекать к себе внимания. Мелкий морозящий дождь был совсем незаметен – к непогоде быстро привыкаешь, особенно если улучшения ждать не приходится. Но ветер начал задувать холодные капли в лицо, и женщина, укутавшись в платок, свернула на Гулярную улицу. Затянутое тучами небо да сумерки, которые начинаются с каждым днём всё раньше, скоро совсем погрузят во мрак этот и так не шибко просторный участок пути.

«И чего фонари не зажгут?» – подумала Катя и уже было собралась выйти на Павловскую, как вдруг две тени, вышедшие навстречу, перегородили путь:

– Что, красавица, заблудилась?

– Ну всё, считай, пришла, распрягайся.

Катя, растерянная от неожиданности, отступив пару шагов в сторону, прижалась спиной к стене здания.

– Деньги имеешь? Так давай сюда, не заставляй грех на душу принимать.

Она молчала. Ни паники, ни слёз, никакой защитной реакции, только ступор и сердце, с каждым ударом готовое вырваться наружу.

Одна из теней, подойдя ближе, почти вплотную, показалась огромной. Катерина зажмурилась и, достав деньги, завёрнутые в платок, протянула вперёд по направлению к ужасной тени.

– Прощай, красавица. Бог даст, не свидимся.

Перепуганная женщина стояла, прижавшись к сырой и холодной стене, не решаясь пошевелиться. И хотя дождь усилился, было всё одно душно, а в горле пересохло.

– Что с тобой? Вам нехорошо? Эй, слышишь меня?! – какой-то мужчина осторожно торкнул Катю за плечо.

– Меня ограбили. Деньги забрали. Все.

– Хотите, я провожу вас до дома? Проживаешь-то где?

Катерина закивала головой, давая понять, что это очень даже кстати, если молодой человек, по виду из интеллигентных, поможет ей сейчас и доведёт до тёткиной парадной. При костюме, поверх которого было надето суконное пальто, но не застёгнутое ни на одну из пуговиц и запах такой... то ли одеколону, то ли крема – сразу видно, человек порядочный, довериться не грех.

Глава

Знакомство

Они шли молча. Катя отрешённо плелась всю дорогу, глядя только себе под ноги. От приподнятого настроения не осталось даже помина, а в голове был такой туман, что ни о чём думать не хотелось.

«Ну как же так, ну как же так?» – по бесчисленному кругу невесть кому задаваемый вопрос, на который не ожидаешь услышать ответа.

Только уже не доходя нескольких метров до дома, Блембенский решил заговорить. Он поначалу думал, что Катерину скоро отпустит и она, может, заплачет или ещё что-то в этом духе, но ничего подобного не случилось.

– Как тебя... вас звать?

– Катя.

– А меня Алексеем зовут.

Она промолчала, как будто и не слыхала его вовсе. Разговор явно не клеился, но Леди это нисколько не смутило.

– Вот что, Катя, как вы посмотрите на то, что я вас стану встречать каждый вечер и провожать, как сейчас?

– Угу.

Катя поправила платок на ходу и, укутав лицо, молча, не останавливаясь прошла в парадную дверь. Лёха уходить не спешил – отойдя чуть поодаль так, чтоб были видны все окна по фасаду лицевого корпуса, он достал папиросу и, чиркнув спичкой, принялся поджидать. Скоро на четвёртом этаже по правую руку, прямо над парадным входом, зажёгся свет, и Лёха-Леди, удовлетворённый своим любопытством, прежде чем направиться в обратную дорогу, для начала неспешно обошёл здание с обратной стороны, осмотрел арку и дворовый корпус.

Некто с непримечательной внешностью, кто всё это время предпочитал оставаться невидимым, молча и хладнокровно следил за происходящим и не вмешивался.

Заснуть той ночью Кате удалось только под утро.

Вечером другого дня, подгадав время, Лёха Блембенский как истукан стоял на углу Кронверкского и Гулярной в ожидании Катерины.

Пять папирос не почитаются за время, коли вы имеете намеренье к встрече с женщиной. К тому же в одном из промежутков Леди обнёс одного ротозея – хмельного с виду приказчика: пока тот давал Блембенскому прикурить, неуклюже чиркая спичкой, Лёха ловко выудил у него из кармана кошелёк, да не ради наживы, а так, со скуки. Да и к тому же денег в том кошельке оказалось меньше рубля – невеликий доход, скурил больше. Медяки Лёха ссыпал в карман пальто, а кошелёк скинул в одну из рядом стоящих урн для мусора, коих в Петербурге предостаточно, чуть ли не на каждом углу.

«Нет, ну вы только гляньте – это ж надо! И впрямь стоит. Ишь ты, чё ж теперь делать-то, о Господи? А собой-то ничего – ладный да молоденький».

– Здравствуй, Катя.

– И вам здравычка.

– Ну что, пойдём?

– Да, пошли.

*

* *

Дважды внимательно прочитав отчёт, предоставленный ещё утром по личному и негласному поручению, полицмейстер Гаврила Ермолаевич Бобровский аккуратно вложил бумажные листки в папку, на которой была надпись «Дело Петропавловской розы», сделанная чернильным пером. Убрав папку в нижний ящик письменного стола, Бобровский, переплетя руки на груди, опёрся на спинку стула.

Было о чём подумать.

* * *

Сначала шли молча, но, проходя мимо злосчастного места, Алексей поинтересовался:

– Катя, а почему ты снова решила пойти этой же дорогой, а не, к примеру, по Большой Введенской? Там и свету побогаче, да и народ, думаю, попримечней будет.

– Сама не знаю, привычней мне тут, а другой дорогой заплутать боюсь. Я ж ведь не местная, из деревни недавно.

– Так раз я уже в провожатых, может, и в проводники стожусь?

– А вы что ж, и впрямь станете меня каждый божий день встречать и провожать? Неужто приглянулась я вам, и вы решились ко мне в ухажёры набиться? Али краше не сыскалась?

Катя впервые за всё это время, кажется, искренне улыбнулась. Почему-то было легко и непринуждённо с этим приятным, но совершенно незнакомым ей молодым человеком.

– А если и приглянулась – так что ж в том зазорного?

– А не спужаетесь?

– Так вроде не из пугливых я, да и чего мне, собственно, испугаться надо?

– А того, что вдовая я, да к тому же с дитём на руках – кому ж охота на свои плечи чужой крест ложить? А ежели вы это из баловства затеяли, то не выйдет у вас ничего, так и знайте.

– Ну так в том, что я вас буду по вечерам до дому провожать, в этом ведь нет никакого баловства?

– В этом – нет.

– Вот тогда завтра предлагаю пройтись не этой дорогой, а по Большой Введенской, согласны?

Катерина, несколько смутившись и утвердительно кивнув головой, подумала, что напрасно это она вот так вот, ни зашто ни прбшто, а чуть было не обидела своего ухажёра.

– Ну вот и пришли, – сказала она, не доходя до дома. – Дальше я одна – не нужно, чтобы тётя случайно в окно углядела. И так не ко времени приду. До свидания, Алексей.

И Катя, привычным движением укутав лицо в платок, скоро скрылась за дверьми парадной.

* * *

– А что, Светлана Сергеевна, никак прекратились амурные приветы к нашему порогу? Который день уже ваза на окне пустует.

– Да уж, Гаврила Ермолаевич, видать, хорошего помаленьку.

– Оленька, голубушка, не ваш ли это принц лишил всех нас этакой красоты в такой унылый период, когда весь Петербург уже смирился с отсутствием солнца?

Бобровский отпил из чашки чай, не глядя на горничную, которая неспешно начала прибирать на столе. Ужин подходил к концу.

– Ой, да ну вас, Гаврила Ермолаевич, скажете тоже...

– Ну тогда, душа моя, Светлана Сергеевна, это надо полагать, ваш воздыхатель? Всем известно, что не существует прекраснее женщины, нежели в период, когда она, как и вы, находится в положении.

– Увы, разлюбезный мой супруг, но я здесь, к сожалению, совершенно ни при чём. Погоды последнее время стоят такие, что гулять мы вынуждены не далее чем в десятке шагов от нашего швейцара, и то недолго. А какой же, помилуйте, возможен флирт, а уж тем более роман на глазах у Матвеича?

– Нус, Катенька, тогда методом исключения остаётся только вы. Себя я со всеобщего позволения вычеркну из списка подозреваемых.

Ольга хихикнула, а Катерина, смутившись, молча продолжала водить ложечкой, остужая и так давно уже остывший чай:

– И ничего не я, – наконец-то ответила она, выдержав короткую паузу. – Я только одну розу в вазу поставила, давно: не знала, куда её деть, вот и поставила в вазу, что стоит на окне у лестницы.

– Где же вы её взяли? Купили?

– Нет, прохожий подарил, когда я сюда в первый день шла.

– Прохожий?

– Да, прохожий. Я к вам шла, а он – навстречу, цветок дал да и пошёл себе дальше.

– А как же он выглядел?

Все с нескрываемым интересом ожидали развязки беседы.

– А и не помню, не рассматривала я его, да и не ожидала, что здесь вот так вот запросто на улицах цветы раздают проходящим мимо женщинам.

– И с тех пор каждый третий день посыльный доставлял точно такую же и собственноручно менял. Ни записок, ни каких-то других намерений тайный поклонник изъявить не пожелал. И прекратилось всё так же загадочно, как и началось. Любопытно...

Светлана Сергеевна тоже решила высказать свои домыслы и заодно принять участие в разговоре:

– Так, может, просто розы закончились, Гаврила Ермолаевич? Не сезон, знаете-ли. А ну как в следующее лето всё и повторится?

Бобровский поставил пустую чашку на чайное блюдце и посмотрел на Катю:

– Послушайте, Екатерина, я намерен просить, чтобы вы разместились у нас на необходимое время. Светлана Сергеевна уже на восьмом месяце, и я беспокоюсь о том, что она на ночь остаётся без вас. Устройтесь в комнате Марфы, и не нужно будет по вечерам каждый раз под дождями мокнуть да по тёмным улицам судьбу испытывать. Ну как, согласны?

– Так я-то что, я согласная. Да вот только дочка моя – она и так цельными днями мамку не видит, а тут и вовсе...

– А если я предложу вам с дочкой своей переехать к нам? Разумеется, что на жалованье это никак не скажется.

Катя охотно кивнула головой, давая понять, что предложение её полностью устраивает.

– Ну вот и договорились. Тогда вы уж не откладывайте, а с завтрашнего дня и начинайте обживатьсь.

Глава

Большая Введенская

Они шли по Большой Введенской, пролегающей всего-то в десятке шагов от Гулярной, ведущей к тому же Большому проспекту через Пушкарскую улицу. Добираться до Большого по Гулярной – всё равно что идти за околицей или огородами вдоль деревни...

Введенская открылась Катерине всем своим блеском: фасады доходных домов, выкрашенные в различные, но при этом всё ж таки мягкие цвета, не рябящие глаз, смотрели на Катю с обеих сторон просторной булыжной мостовой. Никуда не спешащие горожане то тут, то там ходили по своим надобностям; важные швейцары охраняли парадные входы; и свет, много света – не только от фонарей, стоящих по обе стороны улицы, но и от витрин магазинов и даже некоторых торговых лавок, в которых дела шли, по-видимому, не так уж и плохо.

На пересечении больших улиц – Введенской и Пушкарской – по правую руку находился небольшой сад, который своими скромными размерами больше походил на тихий и уютный сквер с предостаточным количеством скамеек.

Пушкарский сад и по сей день стоит на своём прежнем месте – тихий и тенистый уголок зелени посреди каменного и шумного города.

– Алексей, я вам должна сказать, что встречать и провожать больше меня не нужно. Не то чтобы мне этого не хочется или надоело, вовсе нет, напротив, просто так случилось, что я с Лушенькой, дочкой своей, теперь буду проживать в господском доме, в который я устроилась работать. Светлана Сергеевна, не ровён час, разродиться вздумает, и поэтому я обязана всегда при ней теперь быть – меня ведь для того и нанимали. А вам спасибочки – приятно мне очень, что вы вот так вот по-доброму со мной обходитесь.

Леди промолчал. Ещё совсем недавно он раздумывал над тем, как бы поскорее прекратить эти променады, которые ему не только скучны, но и начинали быть в тягость, потому как ни цели, ни пользы он в них не видел. И вот когда всё удачно разрешалось само собой так, что лучше и придумать было бы вряд ли можно, Лёха почувствовал внутри какую-то тревожность. Не обеспокоенность, нет, а скорее душевную грусть. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему было всегда легко и приятно идти рядом с этой простой деревенской женщиной, которая никаким боком не подходила под его фасон.

И вроде бы не ухаживал он за ней вовсе, не приносил букетов на каждую очередную вечернюю встречу, не говорил приятных слов, которых всегда ждут все женщины на подобных свиданиях, он даже не старался ей хоть как-то понравиться, но Блембенский знал, он видел это в каждом Катином взгляде – что нужен ей. Не для какой-то личной цели, выгоды или расчёта, а просто так – именно он, Лёха-Леди, нужен ей, Кате, каждый вечер просто так. Они даже не говорили порой друг с другом о каких-то пустяках, о которых болтают обычно, чтобы скоротать время или путь, а просто шли молча всю дорогу, ограничиваясь дежурными «здравствуй – до свидания». И вот теперь этого всего не будет: не надо вечером заставляя себя волочиться из Мытнинского на угол Кронверкского и Большой Введенской, не надо суетиться, экономя каждую минуту, потому как времени, когда молочница приносила парное молоко с вечерней дойки, до свидания оставалось не так уж много.

Теперь всё. Теперь всё будет как раньше – сам себе хозяин, но всё одно почему-то на душе как-то погано.

– Почему вы молчите, Алексей, о чём задумались?

– Да ну, пустое. Что ж, я очень рад, что смог стать тебе хоть как-то полезен.

– Я теперь проживать буду в доме Цеховой, недалеко от парка. Прощайте, Алексей.

– Я знаю, Катя. До свидания.

Не доходя до дома, как прежде Лёха остановился, а Катерина, ускорив шаг, направилась к дверям.

– А розы были красивые – всем понравились! – весело крикнула она и скрылась в темноте парадной.

Известив крёстную дочери о переезде к Бобровским, Катерина, признаться, не ожидала подобной реакции, ибо тётка это решение не только не одобрила, но и шибко ему воспротивилась:

– Совсем сдурела баба! Эвон, чего удумала – грудное дитё в чужой дом тащить. Нештоль своего нету? Али плохо тебе у меня? Да и не в поле ты работать идёшь, чтоб с собой ребёнка брать. Или оставить не с кем? Так а я на что? Чай, я крёстная мать ей, а не прохожая встречная-поперечная.

Одумайся, Катенька, Христом Богом тебя молю, не забирай от меня Лушеньку. Мне, может, и жить-то осталось два понедельника, а что я за всю свою жизнь увидела? Мужа Бог прибрал – и пяти годков не прожили, а своих детей не дал. Племянник был такой, что лучше б и не было вовсе – и ты сама про то знаешь... А тут такую радость мне Господь на старость лет даровал. Да сама подумай: как ты с ней на руках барыне своей служить станешь? Чай, ведь и туда надо, и сюда тоже. А разродится та – тогда что? Так за двумя сразу уход нужен будет, всем внимание да ласку поровну делить придётся, ну а коли где не поспеешь, то как бы не взревновала твоя барыня. Одумайся, дочка, не разлучай, а уж я ей и ласку, и присмотр, и заботу – всё отдам.

Не смогла устоять Катерина после таких слов, да и то верно – права тётка, хоть и разрешение имеется, а всё ж не дело это.

На следующий день, уложив в узел всё необходимое, Катя собиралась поселиться у Бобровских в комнате Марфы, оставляя Лушу на воспитание крёстной – двоюродной тётке своего покойного мужа.

Лёха Блембенский, узнав о том, что розы понравились всем без исключения, решил на время покинуть город. Взяв у Фрегата на первое время небольшую часть из своей доли, он перебрался в Новгород, где снял комнату по сходной цене недалеко от вокзала.

Перед отъездом Лёха строго-настрого наказал Капитоновне, чтоб та следила за его комнатой, а молочнице дал адрес в доме 19 по Большой Разночинной и, уплатив на месяц вперёд, велел той носить молоко туда. А если спрашивать станут, кто направил, то чтоб не сказывала – неведомо, мол, и всё тут.

Осень, казалось, совершенно не сопротивляясь, тоже оставляла насквозь пропитанный дождями, серый и унылый, но всё же величественный и монументальный город, передавая свою власть над ним в суровые и холодные объятия зимы. Дожди сменялись снегом, который покрывал всё вокруг без разбора. Сперва он, приносимый ветрами, ложился на мокрые дома и дороги, а с первыми морозами весь Петербург уже щедро был одет в новенькое белоснежное покрывало. Снег высветлял фасады зданий, и город становился ярким, напоминая всем о своей красоте. Храмы и соборы колокольными звонами славили Господа и просили у него прощения и защиты для всех православных. Зимой колокола звенят куда дальше.

1907 год медленно подходил к концу.

Светлана Сергеевна во второй половине декабря родила девочку, которую решено было назвать Анастасией в честь одной из дочерей императора Николая и императрицы Александры.

Перед самыми родами в доме почти неделю дежурил опытный врач, нанятый Бобровским, который сразу после родов сказал, что ему очень помогла расторопность Катерины, и если бы не она, то он бы мог и не справиться. Уходя, врач выписал список лекарств для Светланы Сергеевны, которые нужно было закупить в аптеке незамедлительно. Но сразу же после того как Оленька закрыла за ним дверь, Катя подошла к Гавриле Ермолаевичу:

– Ну-ка, дайте-ка я гляну, чего там?

Взволнованный Бобровский протянул рецепт.

– Вот и хорошо, вот и дай вам Бог здоровья, господин доктор, – приговаривала она, превращая листок в рваные куски.

– Вы что делаете?! Как же это...

– Ничего, ничего, барин, не волнуйтесь. Как говорится, Бог не выдаст, а свинья не съест. А только пилюли энти пущай они сами кушают на доброе здоровье, ну а мы уж как-нибудь теперь сами.

Глава вторая

Глава

Весна

Зима в Петербурге, надо признаться, не самая красивая пора. Нет, если, конечно, присмотреться, то запросто можно вдохновиться, а вдохновившись, и влюбиться в вой разнузданной вьюги над Невой; или в рвущуюся метель, словно кони на Аничковом мосту; и особенно даже в огромные снежные хлопья, парящие над Летним садом. Но в целом – это матовое, чёрно-белое, немногочисленное и даже безлюдное полотно, а холод ветров, проникающий в самую душу, способен сковать тебя крепче рек, попавших в ледяной плен до самой весны.

Солнце не балует горожан своим присутствием, лишь изредка появляясь на небосводе и то мимоходом, не задерживаясь. В такие редкие моменты можно любоваться переливающимися на морозе искрами на сугробах белого снега, похожего на сахар. Дни неумолимо коротки, а темнота порою, кажется, не закончится никогда. Серое небо настолько низкое, что можно прикоснуться – только протяни руку.

Но всё проходит, всему отмерян свой срок, и вот уже апрельская капля звоном заставляет солнце улыбаться и появляться всё чаще. Лёд на реках, как одинокий странник, задержавшийся в гостях, всё же встаёт с насиженного места и нехотя уходит прочь, куда-то очень далеко, до следующей зимы.

Оттаивает и сам человек – хандра исчезает и просыпается любовь. Любовь ко всему, что окружает, что можно потрогать и особенно, что потрогать нельзя – только оттаявшая душа способна на чистую и искреннюю любовь.

В дверях стояла женщина лет под шестьдесят, небольшого роста и полноватая, в чёрном суконном пальто, поверх которого был надет передник – светлый, но немаркого оттенка. На голове у неё был затасканный серый шерстяной платок, обмотанный вокруг головы и завязанный сзади на шее. Из-под пальто виднелся край тёмной юбки, немного недостающей до ботинок.

– Есть кто? – крикнула женщина в пустой и мрачный коридор.

– А то как же не быть: чай, дом без хозяина – это уже и не дом, а так, сарай больше. Макаровна, ты, что ли? Ну проходи, чего в дверях-то стоять?

– Здравствуй, Капитоновна.

– Давненько тебя не было, я уже, прости ты меня дуру, подумывать было начала – уж не померла ли ты?

– Жива, как видишь, видать, срок мой ещё не вышел. Вот, проведать зашла.

Макаровна, пройдя внутрь и закрыв за собой дверь, пару раз для порядка шаркнула ногами о кусок половики, лежащий у порога.

–носишь ли молоко-то, Макаровна?

– А чё ж, ношу пока – чай, жить-то как-то надо. Да я чего пришла-то: сосед твой, Капитоновна, не возвратился ли? Повидать бы мне его, а?

– Лёшка-то? Приехал, уже как с неделю тому назад. Я было разузнать у него хотела, где был столько времени-то, а он мне, якобы путешествовал. Но, правда, гостинец всё ж подарил – платок цветастый и чаю аж целую железную банку. Банка вся расписная – ну прямо глаз не оторвать! Это, значит, за то, что я за комнатой его приглядывала, а тебе-то он на кой сдался?

– Так срок у нас по уговору нашему вышел, вот я и пришла узнать, куда теперь молоко носить – сюда али опять туда?

Капитоновна, вытирая уже больше по привычке сухие руки о фартук, надетый поверх кофты, вдруг перешла на шёпот:

– Так он вроде как у себя сейчас, покличь-ка попробуй.

Молочница робко постучала в дверь.

– Заходи, Макаровна! – раздался глухой голос из комнаты.

Леди сидел в трусах на кровати, накинув на плечи заношенный до дыр тулуп, служивший одеялом, и перетасовывал «библию» – игральную колоду карт, – зажав зубами дымящуюся папиросу.

– Что ж это ты, Лёшка, всю светёлку-то прокоптил? Хошь бы форточку раскрыл, аль боишься вороны тебя утащат?

– Не шуми, Макаровна, присаживайся вон на табуретку, новости какие расскажи.

Макаровна, усевшись на предложенное место, начала развязывать платок – в комнате у Блембенского было немного душновато.

– Так а чё ж тебе рассказать-то, коли все дни, словно рódные братья – один на другой схожи, как две капли?

– Ты молоко-то носила, куда тебе велено было?

– А то как же – каждый Божий день, как условились. Так я поэтому и пришла: сказать, что последний день вышел.

Лёха отложил колоду в сторону и, встав с кровати и поправив на плечах накинутый тулуп, прошлёпал босиком в коридор:

– Капитоновна! Угостишь нас с Макаровой чаем? А тебе зачтётся!

– Так а где ж взять-то, ишь вздумал!..

– У тебя самовар ещё не остыл, и сахар по кусочку не забудь, да шибко кипяток не лей, а то для заварки места не останется.

Блембенский прикрыл дверь и вернулся к гостье:

– Ну а люди, что там живут, как тебе?

– Так а что? Люди как люди – старуха да дитё – вот и все люди. Марья – бабёнка простая, на слово охочая, а Катя...

– Марья? Какая Марья?

– Так бабка девочки, правда не рódная, а так, через три борозды сиреневая ветка на берёзе, но она ей крёстной приходится.

– Ааа... ясно.

Дверь отворилась без стука, и Капитоновна, поставив на небольшой стол два стакана чая, так же молча направилась в обратную.

– Спасибо, соседка, дай Бог тебе здоровья.

Леди, чиркнув спичкой, прикурил потухшую папиросу и взглянул на молочницу.

– Ну так я и говорю – Марья. Она сама-то вдовая и в девочке (Лушей её назвали) души ну прям не чаёт. И туда с ней, и сюда, а Катя – мать, значит, – всё работает да заходами своими не балует, но деньгами, правда, пособляет справно. Я когда впервые молоко-то им принесла, Марья было подумала, что это Катерина так распорядилась, а после, когда выяснила у той, то меня особо-то и не пытала. Мол, главное, чтоб девочке на пользу, а остальное не касается. Ну так что дальше-то – носить им молоко или уже сюда, к тебе?

– А ты, Макаровна, и туда носи, и сюда тоже.

– Ну так я согласная, понятное дело. А аванец-то дашь али как?

– Нету сейчас, не разбогател ещё. Ты так пока носи, а я скоро тебя савансирую. Согласна?

– Так а что ж, согласна.

– Чай пей, а то остынет.

С наступлением мая распускаются и зацветают не только деревья и прочие растения – расцветает и сам город. Всё вокруг становится вновь диковинным и разноцветным, великолепие Петербурга заново очаровывает своей архитектурой. И вроде бы видел этот или вон

тот дом ранее и не раз, а всё ж таки останавливаешься и любишься этими ажурными, витиеватыми балконами, множеством скульптур и прочих архитектурных изысков, украшающих фасады Петербургских дворцов и доходных домов. Особый восторг производят эркеры – эти нависающие над тротуарами массивные, безумной красоты элементы зданий. Вся эта весенняя симфония вселяет какую-то надежду – надежду на лучшее в будущем и в целом, везде и во всём.

Дворы деревянных домов прячутся в зелени, скрывая свою серость, ласковое тепло пришло в столицу.

Но что это? Вдруг подул ветер чуть сильнее обычного и снова снег – крупный, белый, обильный, опять начинает кружить, сыпать и покрывать землю. В лучах майского солнца это больше похоже на сказку.

А впрочем, это вовсе и не снег, а лепестки цветущих вишен, которые озорной ветер сорвал с деревьев и устроил такой переполох. А вон там вовсе не сугробом засыпало зазеленевший уже кустарник, а просто так богато цветёт белая сирень.

Сиреневые букеты в эту пору повсюду: многие женщины несут их в руках по всему городу, надрыв в ближайших дворах. Букеты разноцветные и различные по объёму – от огромной охапки до скромной малюсенькой веточки. Цветки сирени можно встретить при входе в различные лавки и небольшие магазины вроде как для пущей яркости.

Лужайки усыпаны жёлтыми пятнами распустившихся одуванчиков, среди них на солнце разлеглись настоящие вельможи и господа города – коты и кошки, которых здесь не меньше, чем камней, коими вымощены все улицы Петербурга, а уважение и почёт им – соответствующие. Это – хвостатая охрана столицы от вероломства и бесчинства полчищ мышей и крыс, получившая статус элиты ещё во времена правления государыни-матушки Елизаветы Петровны, упокой Господь её душу и сохрани о ней вечную память в народе.

Коты и кошки здесь повсюду: на улицах города, во дворах, на заборах, на лестницах и даже на набережной. Здесь им никто не смеет угрожать, и они это понимают. Каждый житель готов взять любого под свою защиту.

Они отвечают за чистоту в городе, что не раз доказывали, и, забегая вперёд, замечу: не пройдет и полвека, как эта разномастная усато-полосатая армия вновь докажет свою необходимость и незаменимость.

После привычной процедуры Лёха-Леди вновь выставил тазик с молоком в коридоре за дверью.

Глава

В сквере у фонтана

– Катя, скажите, вы будете не против, если я попрошу вас снять этот ужасный передник и больше никогда его не надевать?

Катерина, переодев Анастасию, взяла её на руки и повернулась к Бобровской, передавая той дочку:

– Надо будет Макаровне наказать, чтоб и сюда начала молоко доставлять. Девочка не наедается – докармливать надо: ишь, как соску-то пустую грызёт.

– Так, может, так и нужно, чтобы стройная выросла?

– Вы мне, барыня, это бросьте, это вам не в гимназиях ваших. Ребёнок должен есть вволю, чтоб организм креп, чтоб здоровье было да чтоб хворь всякая пристать не смогла, а если пристанет, то чтоб не одолела.

– Тогда, может, стоит за доктором послать, он совет дать сумеет?

– Много он понимает, ваш доктор, в бабьем-то деле? Опять список пилюль рублей на десять нацарапает на листочке, а то и на пятнадцать – вот и все его советы, а у Макаровны молоко всегда доброе, да и носит она ко времени, не опаздывает.

– Я тебя про передник спрашивала.

– Так а что передник? Чай, он своё дело правит, юбка-то всяк дороже будет. Ладно, Светлана Сергеевна, сниму.

– Вещи, оставшиеся после Марфы, думаю, пора уже куда-то девать. Вы бы, Катя, занялись этим вопросом: что посчитаете нужным, можете оставить себе, правда, я не знаю, кому могут сгодиться Марфины туалеты?..

– Спасибочки, барыня, так знамо дело кому, исполню, не извольте беспокоиться – ничего не пропадёт.

– Хорошо, сделайте, пожалуйста, и про передник, прошу вас, не забудьте.

Катя молча преклонила голову, давая понять, что всё уяснила. От изящных приседаний, как у Ольги, она решила отказаться, поскольку раз уж никто не настаивает, то и нечего перед людьми конфузиться.

* * *

Гаврила Ермолаевич Бобровский возвращался со службы привычной дорогой, когда к нему подошёл достаточно пожилой человек: лет уже много за шестьдесят, выше его ростом больше чем на голову, худощавый, в великолепно пошитом костюме и при трости.

– Моё почтение, ваше превосходительство господин Бобровский, – человек деликатно приподнял на голове котелок – цилиндр с округлым верхом, получивший своё название за схожую с этим предметом форму, продемонстрировав щедро усыпанную сединой, словно пеплом, голову. Полиц-

мейстер обратил внимание на бабочку, прикрывавшую верхнюю пуговицу белоснежной сорочки, и гладко выбритое лицо. Гаврила Ермолаевич понял, что титул «превосходительство» был дан намеренно, но промолчал.

– Что вам угодно?

– Видите ли, Гаврила Ермолаевич, я бы хотел вас просить, чтобы вы уделите мне минут пятнадцать-двадцать вашего времени. Вопрос, который я собираюсь вам изложить, напрямую не касается вашей должности, но, я полагаю, он вас заинтересует. Тема настолько деликатная, что я не посмел просить о встрече в вашем кабинете, но осмелился подойти вот так вот – на улице. Прошу простить меня за эту дерзость.

- Позвольте узнать – с кем имею честь?
- Моя фамилия Каплан. Я уже немолодой, но до сих пор всё ещё законопослушный человек, который не испытывает к вам ничего, кроме высочайшего уважения.
- Что ж, я вас слушаю.
- Вы будете не против, если мы пройдем в ближайший сквер? Так будет удобнее.
- Послушайте, господин Каплан, я не расположен – меня ждут дома ко времени.
- Я обещаю быть максимально кратким.
- Что ж, извольте.

Одна из скамеек в ближайшем сквере оказалась пустующей, и мужчины присели недалеко от небольшого, но уютного фонтана.

- Нус, я вас слушаю, господин Каплан.
- Совсем недавно в мои руки попала одна совершенно удивительная вещица, которую я намерен вам показать прямо сейчас. Вот, полюбопытствуйте, – Натан Ефимович достал из кармана кольцо – рубиновый перстень. Алый камень внушительных размеров был изящно обрамлен золотой оправой – тонкая ювелирная работа вызвала восхищение. На фоне льющейся воды и в блеске лучей заходящего солнца рубин вспыхнул искрами, похожими на детский смех, в каждой своей грани.

- Я надеюсь, вы не собираетесь мне это предложить купить?
- Этот перстень был подарен когда-то государыне – матушке Екатерине Великой – одним кавказским князем, приглашенным ко двору. Сегодня это сокровище должно лежать в Бриллиантовой кладовой Эрмитажа и, я вас уверяю, оно-таки там и лежит – как сфинксы на Университетской набережной.

- Вот как? В таком случае, что же это на самом деле?
- Вы задаёте неправильный вопрос, ну да ладно.
- Люди, которые понимают в этом гораздо более, чем мы с вами, в один голос утверждают, что это именно тот самый перстень. И теперь сам собой напрашивается вопрос: что же тогда лежит в Эрмитаже?

- Кто вы такой, господин Каплан, и откуда у вас это кольцо?
- Моя скромная персона не стоит того, чтобы вызывать у вас интерес, а если вспомнить, что наша встреча происходит по моей инициативе, то и опасаться вам меня нет никакого смысла. ваше право не верить, но я даю вам честное и благородное слово, что этот перстень находился среди прочих вещей из дома господина Каюмова.

Бобровский, не скрывая своё удивление, перевёл взгляд на Фрегата – тот сидел на скамейке, закинув ногу на ногу и, кажется, не сводил глаз с фонтана.

- Я не намерен верить всему вами сказанному, к тому же наше знакомство не превышает и десяти минут.
- Я предполагаю, что вы захотите проверить подлинность этого шедевра через своих доверенных лиц, поэтому предлагаю обменяться: я вам – перстень, а вы мне – папку с делом о Петропавловской розе. Когда вы убедитесь в том, что я говорю правду, думаю, вы сможете оценить обоюдную выгоду от обмена, а раз вы до сих пор не решились пустить папку в дело, то и убыток от сделки вы понесёте незначительный. Правда, господин Каюмов фигура настолько для вас недостижимая, что... Впрочем, предложение я вам сделал, а значит, выбор остается полностью за вами. На этом у меня к вам, Гаврила Ермолаевич, собственно, всё.

- Скажите, господин Каплан, почему вы решили обратиться именно ко мне? Я догадываюсь о кругах, к которым вы имеете касательство, поэтому намерен спросить открыто: вы и правда не боитесь преследования со стороны закона?

- Я обратился именно к вам, потому что не сомневаюсь в вашей порядочности и чести. Поверьте, в иных кругах умеют по достоинству оценивать благородство, да и к тому же папка

всё-таки у вас. вы не доложили наверх своему начальству о собранном материале, думаю, потому, что заподозрили что-то, чего не увидели те, кто напрямую занимается происшествием, случившимся на Большой Дворянской. Вы ставите сеть на пескаря, а я вам предлагаю загнать в эту сеть более крупную рыбу, более хищную. Хищную настолько, что даже вам она может оказаться не по зубам, но если у вас есть те, у кого можно сыскать помощи, то, может быть, вы и справитесь. Мне же лишь всего-навсего будет достаточно, что вы оставите намерение по ловле пескаря.

– Откуда такая осведомлённость? О существовании папки знают два, максимум три человека, включая меня, а теперь ещё и вы.

– Тайна сегодня такая легкодоступная дама... но, смею вас заверить, я последний в вашем списке, знающий о существовании папки. Ну так что, вам есть, что мне ответить, господин Бобровский?

– Пока нет, но я хотел бы оставить кольцо у себя.

– Я готов уступить вам под честное слово и обещание того, что папка и далее будет продолжать тайную жизнь.

– Что ж, думаю я могу дать вам своё честное слово.

– Мы порядком засиделись, ваше превосходительство, не стану скрывать – мне было приятно вести беседу с человеком, имеющим здравый рассудок. Теперь позвольте откланяться.

* * *

Весь оставшийся вечер и последующий день полицмейстер Гаврила Ермолаевич Бобровский провёл в раздумье, и чем дальше он давал волю своим рассуждениям, тем ужаснее и немыслимее оказывались его выводы. Становилось настолько жутко, что и представить себе было невозможно:

«А сколько таких вот, имеющих положение и влияние, имеющих могущественные знакомства и потерявших всякие нормы морали, понятия о чести, о святости веры, утратившие меру допустимого и ослеплённые алчностью в погоне за золотым тельцом?»

Сколько их, – Каюмовых, Юсуповых, Оболенских и прочих – обласканных и превозносимых самим государем Императором?

Не дай бог, если вдруг перстень, переданный неизвестно откуда взявшимся Капланом, окажется настоящим! Не дай бог! Не приведи господи!

Кто поручится за то, что это единственный перстень, заменённый на подделанный? В Петербурге да и не только – в Москве, к примеру, – есть немало таких, кто увлечённо собирает огромные коллекции живописи, скульптур, да просто монет, в конце концов. Многие из этих, одержимых своими целями, имеют огромные возможности, благодаря занимаемым ими высоким постам на государственной службе.

Не дай бог...»

Глава

Про вещи, лето и не только

Вещи... Вещи, как люди: они окружают нас повсюду, сопровождают на протяжении всей жизни, они были до нас и останутся после, когда нас уже не станет. Вещи, как люди: бывают нужные и ненужные, любимые и ненавистные, дорогие и ничего не стоящие. Как и люди, вещи могут быть кем-то переоценены, а для кого-то не значить совершенно ничего.

Иной готов выбросить за ненадобностью какую-нибудь стопку книг или же, скажем, старую сколотую вазу только потому, что та долгое время просто занимает место и собирает на себя пыль, в то время как другой, подобрав те же самые книги из кучи прочего мусора, будет несказанно рад неожиданной находке. Попадая в нужные руки, вещи могут продолжать служить, зачастую сумев на некоторое время пережить своего хозяина, и то ли по недооценённости, то ли по безграмотности новых случайных владельцев могут быть незаслуженно выставлены ими – тем самым вычеркнуты из людской жизни.

Старые письма или фотографические карточки, которые прежний владелец считал бесценными, в одно мгновение могут сделаться просто ненужными листками с изображением незнакомых людей, и участь их становится легко предсказуема.

Вот и теперь, разбираясь в комнате покойной Марфы по указанию Светланы Сергеевны, Катерина аккуратно укладывала на центр расстеленного покрывала платья, платки и кофты для того, чтоб после, собрав это добро в узел, отнести к тётке на Большую Разночинную и уже там перешить наряды под себя. В плетёную корзину, стоящую рядом, с которой по обыкновению ходят на базар или в лавку за продуктами, Катя безразлично бросила несколько фотографий, которые нашла в комодке – несколько снимков, пожелтевших от времени, которые были так бережно хранимы старой няней, в одно мгновение вдруг стали просто сорной бумагой. И хотя у Марфы было не так уж много личного гардероба, узел всё одно вышел достаточно внушительных размеров.

– Может, следует нанять извозчика, ну или хотя бы носильщика? – спросила Бобровская, глядя на поклажу около входной двери.

– Ещё чего не хватало! Вам бы, барыня, только деньги переводить! Своя ноша – всем про то ведомо – не тянет.

Светлана Сергеевна улыбнулась: «Как же всё-таки хорошо, что эта деревенская простушка, напрочь лишённая элементарных понятий о манерах поведения, появилась в нашем доме».

Катерина своим присутствием внесла какую-то новую, до этого неведомую краску, добавляя собой необычный для жизни привкус. Она не была вздорной, распушенной или же грубой – вовсе нет, но её решительные действия по ведению быта вселяли в Светлану Сергеевну какую-то уверенность. Рядом с Катей она чувствовала себя более защищённой. Казалось бы, что подобную опеку должен был обеспечить муж, Гаврила Ермолаевич, но нет, муж – это совершенно другое, бесценное, необходимое, любимое, но другое, совсем не то.

Лето. Кто-нибудь замечал момент, когда наступает летняя пора? Думаю, что нет. Всякий способен заметить приход осени, сопровождаемый сменой погоды и резким похолоданием. Любой из нас безошибочно сможет утверждать о приходе зимы, как только всё вокруг покроется снегом, а стёкла на окнах нарядятся в причудливый узор. О наступлении весны говорить вообще не стоит, потому как её приход трудно не заметить или пропустить. А вот лето – где та грань, на которой заканчивается правление весны и наступает лето?

Оставив маленькую Анастасию на присмотр родной матери, Катерина вышла из парадной, чтоб отнести узел с вещами на дом к тётке, а заодно и повидать Лушу. Девочке исполнился год, и крёстная Марья впервые со своей крестницей накануне сходили в Князь-Владимирский собор, в котором Луша приняла крещение.

– Все путные люди, Катька, добро предпочитают в дом нести, а ты, непутёвая, из дома вон вынести норовишь, – ворчал Матвейч, придерживая дверь парадной, чтоб Катя с узлом выйти смогла. – Тебе волю дай, так ты весь дом растащишь, а мы все, благодаря тебе, по миру пойдём с протянутой рукой.

– А ты, Матвейч, про то слышал, что рука дающего не оскудеет никогда?

Катя, взвалив себе на плечо переданное по наследству добро, бойко пошла в сторону Кронверкского проспекта.

* * *

Лёха Блембенский неспешно прогуливался вдоль Большого проспекта. Погода была хорошая, и хотя небо было сплошь затянуто облаками, дождя всё ж не предвиделось. Леди только что на ходу соскочил с подножки трамвая и, хлопнув себя по карманам, с досадой обнаружил, что очередная папиросная коробка вновь оказалась абсолютно пустой.

Всего пару часов назад, совершая променад вдоль доходных домов на Большой Гребёцкой улице, Лёха оценивающе осматривал активно растущий район. Ещё каких-то пять лет назад здесь были невзрачные деревянные постройки, и вот теперь по обе стороны бульжной мостовой стояли новые здания, пристроенные друг к другу в одну ровную шеренгу – привычный и особенный стиль Петербурга. Отдельным великолепием выделялись доходные дома, стоящие на пересечении дорог: угловатые, как нос корабля, с непременными эркерами, с затейливыми башенками на крыше – бельведерами – и расписными фасадами. Но народу здесь было не так густо, а это значит, что риск небезопасного промысла для Блембенского увеличивался в разы. Именно поэтому он решил забыть Гребёцкую до лучшей поры.

Дойдя до Большого проспекта, Леди сел на проходящую мимо конку, которая и привезла его на пересечение с Введенской улицей. Прикупив пачку папирос в табачной лавке, Блембенский при выходе заметил знакомое лицо.

– Катя! Здравствуйте, Катя.

– Ой, здравычка вам, Алексей, – Катерина улыбалась, ей было приятно вновь встретить знакомое лицо спустя время.

– Что это у тебя? Хочешь, я помогу тебе?

– Так а чё ж не хочу, конечно, хочу, давайте, помогите бедной женщине. Чай, дорогу-то, поди, не забыли ещё?

Блембенский подхватил Катин узел, а та с нескрываемой радостью, заправив выбившийся локон обратно под косынку, направилась следом за Алексеем.

Затащив скарб на четвёртый этаж, Лёха толкнул нужную дверь.

– Встречай гостей, хозяйка!

– Тётя, это Алексей, про которого я тебе давеча рассказывала.

* * *

В дверь постучали, и градоначальник, взяв колокольчик, стоявший на дубовом рабочем столе внушительных размеров, несколько раз потряхнул им, давая понять, что можно войти в кабинет. В дверях возник секретарь в чине титулярного советника.

– Ваше высокоблагородие, прибыл полицмейстер Бобровский, просивший аудиенции по важному делу. Ему назначено. Прикажете просить?

– Просите.

Градоначальник закрыл папку, лежащую на столе, и достав из среднего ящика папку другого цвета, положил её поверх лежавшей. Дверь снова открылась.

– Господин полицмейстер Бобровский Гаврила Ермолаевич, прибыл по важному делу! – провозгласил секретарь и удалился.

– Здравия желаю, ваше превосходительство!!

– Прошу вас, господин полицмейстер, присаживайтесь.

Хозяин просторного, словно зала, кабинета учтиво указал открытой ладонью на дубовый стул из служебного гарнитура, стоявший у стола по другую сторону от градоначальника.

– Предлагаю на время беседы оставить в покое чины и заслуги перед Государем Императором. Присаживайтесь, Гаврила Ермолаевич.

– Благодарю вас, Владимир Александрович.

– Итак, я подробно ознакомился с вашим донесением и, поверьте, долго и всерьёз размышлял над вашими выводами – мы оба с вами присягали на верность служения Отечеству и Государю.

Их превосходительство замолчал и, встав из-за стола и заложив обе руки за спину, начал задумчиво прохаживаться по кабинету, пытаясь подобрать нужные слова.

– Информация, изложенная вами, является доказательством вашего сотрудничества с теми, чью деятельность вы, господин Бобровский, по роду службы обязаны пресекать для поддержания надлежащего порядка. Но учитывая то, что вы прибыли сюда за получением совета о дальнейших действиях, мы не будем рассматривать эту сторону вопроса.

Боровский молчал.

– Подозрения, которые вы выдвигаете, кладут тень на особ такого уровня, что и подумать себе не представляется возможным. Давать ход этому делу, опираясь только на основание ваших выводов, – глупо, да и аргументы, собранные вами, также нуждаются в тщательной проверке своей подлинности. К тому же это подрывает доверие к правящим элитам со стороны низов. Провести проверку тайно, как вы полагаете, не удастся, потому как никто не сможет поручиться за полное молчание каждого, кого придётся втайне привлекать к этой проверке. А если огласка всё же произойдёт, то те, на кого вы кладёте эту самую тень подозрения, непременно предпримут ответные меры. Поверьте, они обязательно их предпримут, а возможности у них, учитывая их положение, куда шире и могущественнее, чем у вас. Тут, голубчик, не то что каторга, как бы головой не полатиться! И не только вам. Я дворянин из потомственного рода военных – для меня честь и присяга являются священными, а не просто словами. Ваше изложение произвело на меня впечатление, но выступать против такого противника, не имея весомой подмоги, я не намерен. Я не осмелюсь просить по этому вопросу у Государя Императора совета даже при личной аудиенции.

Ваша преданность служебному долгу вызвала у меня глубокое почтение к вам, Гаврила Ермолаевич, поэтому, чтобы быть до конца честным, единственное, чем я смогу вам помочь, – это сделать вид, что сегодняшней встречи и беседы между нами не было. Я не дам вам своего благословения на дальнейшие ваши действия по этому вопросу, но и преследовать вас я тоже не стану. Если вы и дальше пожелаете рисковать всем, чего смогли добиться не только по службе, но и в жизни, что ж, как будет угодно – воля ваша. На этом, думаю, стоит прекратить наш разговор, и не смею вас больше задерживать.

Бобровский встал и одернул мундир.

– Разрешите откланяться?

– Ступайте, голубчик Гаврила Ермолаевич, ступайте.

Глава

Будни

Проблемы никуда не денутся: они были всегда и сегодня есть у каждого из нас, все мы их стараемся решать как умеем. Кто-то с ходу, не давая ей, проблеме, стать крупнее, кто-то по мере поступления, стараясь не замечать её, пока та не станет доставлять беспокойство. Но это наши личные, малые и незначительные трудности, которые переживут каждого из нас – мы уйдём, а они останутся, мы наперёд знаем, что полностью избавиться от них вряд ли сумеем.

А вот глобальные сложности – кто их должен разрешать? Тот, кто подобные вещи замечает, как правило, в одиночку справиться с ними не в силах, а призывая на помощь окружение, вдруг понимает, что никто кроме него ничего подобного не видит или видит, но помогать всё равно отказывается, не считая это своей помехой ну или осознавая собственную беспомощность.

Тогда получается, что вроде как и нет проблемы вовсе, а так – только померещилось.

Если не убирать огромный камень с дороги, а просто обойти его, то дорога так и останется дорогой, пусть даже не такой ровной, зато преграда с камнем «исчезнет» – она решится сама собой и перестанет быть преградой.

Решить проблему оказывается гораздо проще, если отказаться её решать вовсе.

Анализируя доводы, приведённые градоначальником, Гаврила Ермолаевич Бобровский первое время сильно переживал по этому поводу, стараясь ни с кем не обсуждать сей вопрос и оградить всех окружающих от возможных неприятностей, да и себя тоже. Ну а после, убедившись в том, что решение проблем, которые ему под силу, куда важнее, и вовсе успокоился.

Во второй половине, спустя около часа как было окончено обеденное время, секретарь принёс в кабинет Бобровского донесение и доложил, что составитель данного донесения ожидает – каждую среду человек среднего роста, с непримечательной внешностью приносил отчёт по личному поручению полицмейстера и получал новые распоряжения, если требовалось. Сегодня была среда.

– Прикажете войти, – равнодушным голосом ответил полицмейстер.

Человек вошёл в кабинет, плотно закрыл за собой дверь и, сделав три шага вперёд, остановился.

– День добрый, господин полицмейстер.

– Здравствуйте. Я ознакомлюсь с вашим донесением несколько позже, если, конечно, в нём нет острой необходимости.

– Нету, ваше высочордие, сплошь всё изложенное – только для соблюдения порядка да перевод бумаги и чернил.

– Ничего, с бумагой, слава богу, перебоев пока не наблюдается.

– Прикажете и дальше продолжать наблюдение?

– Нет, всё, надобности в этом больше нету. Я отдал распоряжение, чтобы вам оплатили службу, и прошу вас с этой минуты прекратить всякие действия, касаемые этого дела, и ждать дальнейших распоряжений.

Лёха Блембенский после последней встречи с Катей стал периодически захаживать на Большую Разночинную да не то чтобы зачастил, а так – якобы мимоходом. То сладость какую для Луши занесёт, а то просто наведается о здоровье справиться да и уходит себе.

Для чего это нужно было, Леди не знал и сам, да и Марья, умудренная прожитой жизнью, с расспросами да любопытством не донимала. Ей, кажется, вообще было и так всё ясно и понятно наперёд.

Когда Катерине удалось выбрать время и хоть немножко побыть с дочкой, крёстная хвасталась той за чаем, мол,

«заходил твой не далее чем днём раньше, яблоко занёс и минуты не побыл – убёг».

А вот до разъяснений тётка Марья была не очень-то красноречива и ограничивалась лишь заключениями. Бывало, расскажет Катя какой случай или историю краткую, а от Марьи в ответ разве только и услышишь, что: «Это оно, конечно, неплохо» или «Знамо – дело хорошее», а то и вовсе «Ну и дура ты, Катька». Вот и весь сказ, а чтоб «что да как» – этого нет, растолковывать ни за что не станет. Сами, мол, уже не грудные – ваша жизнь, вот и живите. Но Катерину вовсе не обижали такие ответы, она была привычная и знакомая с такой стороной – «сперва надоумишь, а потом тебя же и обвиноватят».

А вот то что тётка всегда называла Алексея словом «твой», Кате, конечно же, нравилось и даже очень. Она часто подумывала, что неплохо бы было, как когда-то, снова пройтись с Алексеем по городу, да только чтоб не для провожания, а вроде как для прогулки на свидании. Хотя и провожание тоже не лишнее. Но Лёха не звал, а сама она не осмелится – не такой у неё характер.

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ВЪДОМОСТИ.

(Газета политическая и литературная)

«Дело о дерзком ограблении по улице Большая Дворянская завершено. Банда грабителей полностью арестована. Большая часть награбленного возвращена владельцу. Суд состоится в ближайшее время».

Фрегат закрыл газету и, приподняв двумя пальцами очки, переместил их на лоб:

– Вейсмир... И что в таких случаях надо делать – радоваться или плакать? Если эти пинкертонеры станут и дальше так работать, то завтра про спокойную жизнь в городе можно забыть и уже не вспоминать. Николай?!

Миколка стоял в коридоре у входной двери и доедал очередной пирог.

– Чё?

– Не «чё», а «что», недоросль. Передай Леди, чтоб ни на Дворянскую, ни в Сад ближайший месяц носу не совал. Кто знает, что у них на уме? Вдруг они думают, словно смогут переиграть самого Ласкера¹?

– Он сейчас на Сытнинской промышляет.

– А ты всё равно передай.

– Ладно, скажу.

– На-ка вот, отнесёшь это и опустишь в ближайший почтовый ящик, – Натан Ефимович бережно протянул Миколке два аккуратно заклеенных конверта.

– В тот, который за углом висит?

– Нет, в этот не надо, в другой отнеси – подальше. Отнеси на Съезжинскую – там опустишь.

– Ладно, сделаю.

* * *

Светло-зелёное платье с белым ажурным воротником и манжетами, плотно облегающее талию молодой девушки, длинной полой едва не касалось начищенного воском паркета. Обтя-

¹ Эммануил Ласкер – чемпион мира по шахматам с 1894 г. по 1921 г.

нутые тканью в тон платью пуговицы строгой линией выстроились от пояса до самой шеи. На плечах лежал лёгкий шёлковый платок бирюзового оттенка, переплетённый своими концами на груди. Без привычного для всех белоснежного фартука горничной Оленька была прелесть как хороша: собранные под заколку волосы открывали шею молодой служанки, а тонкая бархатная кожа с лёгким румянцем способна была лишить чувств даже опытных мужчин, знающих толк в женщинах.

Нет, всё-таки эталон красоты – это молодость!

– Ты не иначе как в Храм эдак принарядилась? Так что-то не ко времени...

Катя ненадолго присела, ожидая, пока Светлана Сергеевна накормит дочь.

– Почему? Я просто на рынок собралась, за продуктами.

– Так кто ж это на рынок ходит, словно под венец? И слепому в потёмках видно, что у тебя денег при себе полные карманы – тебе никто своей цены не уступит. Барыня! Дозволите мне с Олей на рынок прогуляться, коли срочных дел не предвидится? А то как выдадим нашу Оленьку замуж, так она тут же мужа-то своего и разорит, а мы с вами виноватые будем. Гляньте, какая павлина!

Уже привыкшая к «высокосветской тактичности» Катерины, Светлана вышла из комнаты с нескрываемой улыбкой, держа на руках Анастасию.

– Очень хороша! – заключила Бобровская. – Сходите, Катя, только не очень долго, потому как погода сегодня прекрасная и мы непременно пойдём в сад – к протоку.

– Так я уже собравшая, только платок накину да корзинку возьму.

Сытный рынок, стоящий на Сытнинской площади между Кронверкским проспектом и Большой Белозёрской улицей, до сих пор считается самым большим и многолюдным, находясь на том же месте и по сей день. Торговали здесь всем, что душа ни пожелает, предлагая даже горячие блюда в огромном ассортименте, которые лоточники разносили по всему рынку.

Когда-то это место и вовсе называлось Обжорным, но ещё при первом генерал-губернаторе Санкт-Петербурга Александре Даниловиче Меншикове было переименовано в Сытный рынок. И даже сегодня любой торговец с убедительным утверждением расскажет вам, как Меншиков, откусывая пирог с зайчатиной, восклицал на весь рынок «До чего ж сытно!» так, будто бы лично присутствовал при этом.

Сложив в корзину купленные на рынке продукты, женщины возвращались домой. Катерина была в восторге от самой себя, потому как с общих покупок ей удалось выторговать почти половину рубля – это немало!

– Катя! Здравствуйте, Катя.

Леди уже как старый знакомый подошёл и потянул за ручку корзины.

– Алексей, здравьичка вам.

Оленька увидела Блембенского впервые.

– Что ж это вы, мужчина, вечно по надобности появляетесь? Нет, чтоб взяли да и пригласили бы нашу Катю на вечерний променад без всякой причины, а так – для прогулки.

– Оля! – упрекнула Катерина с нескрываемым смущением.

– А что? Чего я такого особенного сказала-то?

– И правда, Катя, пойдёмте погуляем?

– У Светланы Сергеевны спроситься нужно, отпустит ли...

– Так ты узнай, узнайте то есть.

– Ага.

Глава

Английская шляпка

На первое свидание с Лёхой Блембенским Катя собиралась так, словно ей сделали приглашение прибыть ко двору самого Государя Императора. Вся более-менее подходящая одежда, предложенная Марьей, была перемеряна и отвергнута. Хотелось произвести на Алексея впечатление, но если откровенно, на руках не то что козырей, зайтись – и то было не с чего. Предложение приобрести обнову на базаре было сделано тёткой. Катерина, конечно, об этом подумала почти сразу, но вслух произнести совесть не позволила – ждала, что тётка Марья всё ж догадается.

– Я только кофточку, ну или юбку какую – и то, чтоб недорого совсем.

– Полно, чай, не в голодный год живём, да и не бездельница ты – заработала. А нам много не надо, проживём.

Луша тоже в знак поддержки подошла к матери и, обняв её за ногу, уткнулась лицом в коленку. Разрешила.

Для совета решено было взять с собой на базар Ольгу.

После ужина, когда уже все вышли из-за стола и занялись каждый своим привычным делом, Светлана, оставив дочку с Катериной, осторожно постучала в кабинет мужа.

– Да, прошу вас, душа моя, проходите. Надеюсь, ничего серьёзного не произошло?

– Вот уж и не знаю, с чего начать-то?.. Видите ли, девушки, что служат у нас, с обязанностями своими справляются превосходно и нареканий по этому вопросу никогда не возникало. И Оля, и Катя настолько гармонично вписались в нашу семью, что я затрудняюсь представить, что станет если с кем-то из них вдруг придётся проститься.

– А что, разве есть весомые основания так полагать?

– Пока нет, но кто знает, что будет дальше? Ведь виной всему не кто иной, как матушка природа: обе девушки достаточно молоды и незамужние, они вправе думать и о собственном счастье. Как женщина я их понимаю и, конечно же, желаю им только добра, но что если вдруг, потеряв от любви голову, они перестанут с той же преданностью относиться к своим обязанностям?

– Ну так что же вы хотите от меня?

Бобровский внимательно смотрел на жену, нисколько не сомневаясь в серьёзности вопроса.

– Ровным счётом ничего особенного – просто хотелось бы узнать ваше мнение на этот счёт.

Светлана Сергеевна стояла посередине кабинета, не воспользовавшись предложенным ей стулом.

– Думаю, что повода для беспокойства нет. Я наблюдаю со стороны за вашими отношениями настолько, насколько имею на это возможность, и полагаю, что вы, Светлана Сергеевна, способны справиться с этим пикантным вопросом самостоятельно, без моего вмешательства. Любовь, голубушка, это не преступление, её предотвратить не представляется возможным. Да и подозрения ваши к тому же преждевременны, хотя и предсказуемы. Тут уж либо довериться, коли есть желание, либо с плеча рубить. Выберите, что вам ближе, а я поддержу любое Ваше решение.

– Благодарю вас, Гаврила Ермолаевич, именно на такой ответ я и рассчитывала.

– Не стоит, дорогая моя.

В выходной день на базаре с одобрения Оленьки Катерина купила себе ситцевое платье, пошитое из мануфактуры братьев Барановых. Как уверяла женщина, торговавшая на базаре «Барановский текстиль ничуть не хуже Ивановских ситцев и, уж конечно, превосходит продукцию Московский Трёхгорной Мануфактуры. Ну а что касаясь заграничных тканей, то да, русские фабриканты закупают материю за границей – на ветошь: надо же чем-то и станки ткацкие протирать и полы помыть».

Платье красного цвета в мелкий и пёстрый узор, состоящий сплошь из причудливых завитушек, было с длинным рукавом, заканчивающимся строгим манжетом в тон самого платья. Пуговицы располагались от пояса до воротника, который не укладывался вокруг шеи, а был пошит стоечкой. Талию обтягивал неширокий пояс из той же ткани. Подол платья, конечно, был не настолько длинный, как хотелось бы, но при ходьбе всё равно можно было его слегка приподнимать, придерживая рукой.

Кате всегда нравилось, как Светлана Сергеевна делала так при необходимости: бралась двумя пальцами с боков платья, элегантно отведя в сторону незанятые три пальца, и шла так какое-то время.

– Не сомневайся, дочка, этому платью сноса не будет – самый что ни на есть сегодня модный узор, – сказала торговка и, плюнув на палец, принялась пересчитывать деньги.

Светлана стояла спиной к окну и внимательно разглядывала обнову на Катерине.

– Ну что ж, а скажите, Катя, чем вы планировали украсить свою голову? Вы же не собираетесь идти на свидание простоволосой?

– Ну так платок, а чего ж ещё-то? У нас с платками, чай, слабости или бедности какой нету, найдём, слава богу, из чего выбрать.

Бобровская в раздумьях молча вышла из залы и спустя пару минут вернулась, держа в руках шляпную коробку.

– Вот. Это было подарено мне ещё до замужества, но ни под один из моих туалетов она так и не подошла. Если хотите, Катя, я могла бы уступить вам эту шляпку в обмен на наше с Оленькой любопытство, которое вы удовлетворите подробным рассказом о вашем первом свидании. Разумеется, только в то время, когда Гаврила Ермолаевич уйдут на службу. Ну что, вы согласны?

Женская шляпка была просто восхитительна: бледно-розового оттенка, с небольшими полями, по кругу обрамлённая лентой, состоящей сплошь из цветков разных по цветовой гамме, и совершенно ничего не весила.

Катя, польщённая таким вниманием, растерянно держала шляпку в руках. Ну конечно же, она была согласна.

– Да где ж теперь подходящую голову под такое сыскать?

– Бросьте, вы вполне достойны этой английской шляпки. Берите и носите с удовольствием.

Переволовавшаяся Катерина молча ушла к себе, в комнату покойной Марфы, совсем забыв поблагодарить Светлану Сергеевну за великодушие. Но никто не придал этому значения – все всё понимали.

Леди пришёл на свидание в том же практически не ношенном костюме, пошитом еврейскими портными по просьбе Каплана. Начищенный и наглаженный, он как и прежде стоял на углу Кронверкского и Большой Введенской в ожидании Кати. Цветов при себе молодой человек, конечно же, не имел.

Он не сразу узнал яркую особу, идущую к нему навстречу, но когда она подошла ближе, Блембенский от удивления только и смог, что молча развести руками.

- Здравствуйте вам, Алексей.
- Вы что, знакомы с Натаном Ефимовичем?
- Нет, а кто это?
- Уже неважно. Здравствуйте, Катя.
- А куда мы с вами пойдём, Алексей?

От волнения Катя теребила в руках кончик пояска на платье.

- Вы уже бывали в центре этого чудесного города?
- Ой, да что вы, я только здесь, неподалёку – до тётки и обратно!
- Тогда – в центр, в самое сердце города! А после на набережную.

Лёха, подняв подбородок, начал выискивать стоящего неподалёку извозчика и, подняв вверх руку, крикнул куда-то вдаль проспекта:

– Эй, милый!

Стук копыт о булыжную мостовую эхом разлетелся вокруг.

Погода была солнечная и тихая, так что редкие хлопья тополиного пуха, прибывшие, видимо, из Александровского парка, подолгу плавно кружили в воздухе.

– Куда прикажете, господин хороший?

– А прокати-ка ты нас, любезный, сперва на Невский, а там видно будет. Да шибко не гони, а так, чтоб с наслаждением, чтоб столицу нашу разглядеть можно было.

– А платить-то как станете?

– А вот тебе задаток в три рубля, ну а дальше – как стараться станешь. Смотри, чтоб дамочка моя довольна осталась, тогда и о приварке подумать сможешь.

Толстый, грузный возникший лет за сорок, с окладистой бородой, в чёрной жилетке, надевший на белую сатиновую косоворотку с длинным рукавом, спешно снял с головы картуз и слез с пролётки. Предлагая пройти в экипаж, он сначала пропустил Блембенского, затем, ловко встав на одно колено, нежно обеими руками взялся за Катин башмачок, помогая той встать на подножку.

– Эээ, не залапай, полегче! – улыбался Лёха.

– Ничего, ничего, – отдувался извозчик, – прошу вас, барышня.

Катерина в этот момент уже с трудом что-то осознала, словно бы захмелевшая от восторга.

Свидание ещё не успело толком начаться, а уже столько всего – тут оно, конечно, у любой голова кругом пойти может.

– Это и есть Нева? – спросила Катя, глядя на Алексея, сидевшего рядом, когда они проезжали по мосту.

– Малая Нева, барышня, – не отвлекаясь от дела, утвердительным голосом ответил извозчик.

– А мост, что под нами, Биржевым называется, годков пятнадцать назад, как построен был, – добрый мост. А сама Нева дальше будет, я, как подъедем, дам знать.

Волнующая гладь малой Невы будоражила и захватывала дух. Катя с замиранием сердца смотрела на воду и с той, и с другой стороны моста, испытывая лёгкую тревожность. Свидание с Петербургом началось как это и полагается – нежно и навсегда.

Глава

Предложение Бобровской

На Невском рыжая кобыла медленной рысью двигалась по деревянной торцевой мостовой, у самого края булыжной, давая возможность внимательнее рассмотреть окружающую архитектуру: роскошь дворцов, выкрашенных в яркие цвета и украшенных статуями и лепниной; достоинства доходных домов с великолепными эркерами и балконами; возле каждой парадной стояли вахтенные швейцары, разодетые в форменные мундиры.

Народ здесь находился совсем другой – совсем не такой, что на окраине города. Нарядные дамы и сопровождающие их кавалеры – все были по большей части из дворянства или из чиновных, разодетые в поразительной красоты наряды и строгие костюмы. Многие мужчины были при цилиндре и трости. Никто не спешил, не торопился – все степенно прохаживались или следовали. Редко где можно было высмотреть простолюдных. Много купечества и особенно военных – облачённых в форму, конных и пеших. И фонари...

Бесчисленное множество фонарей, различных по форме: от круглых, как шары, до привычных, на четыре грани, прямых и скошенных под трапецию.

Казанский собор, повергающий своим видом в такое исступление, что и описать его не представляется возможным, если увидал впервые и воочию. Это что-то монументальное, строгое, величавое и могущественное, но в то же время манящее и родное. Храм своими колоннадами, словно руками, старается обнять всех православных прихожан, кто пришёл к нему, собрать плотнее – воедино.

– А это что? Небось дворец чей? Знать, не ниже, чем царский?

– Это, барышня, торговый купеческий дом братьев Елисеевых – уже лет пять как торгуют.

– Торгуют? Чем же торговать можно в таких хоромах?

– Продовольствие – кушанья да вина всякие, по большей части из-за границы привезённые.

– Так это что ж, навроде как лавка получается?

Возница засмеялся, но не то чтобы, а так, по-доброму.

– Ну, можно сказать и так... Лавка.

* * *

– Ну так а дальше-то что? А он-то, кавалер твой, к тебе-то с уважением был? Нештоль так и не сказал слов сладких да волнующих?

Ольга сгорала от нетерпения, уже заканчивая сервировать стол к ужину. Муж Бобровской вот-вот должен был прийти со службы, а самое главное, чего так ожидала Оленька, так и не прозвучало. Сама-то она ранее была и на Невском, и в Казанском храме, и в Исаакиевском соборе, и ещё много где, поэтому ей больше бы хотелось знать про амурную сторону Катиного рассказа.

– Оля, вы бестактно нетерпеливы! – Светлана Сергеевна с лёгкой улыбкой упрекнула горничную. – И вообще, что это, помилуйте, за «нештоль»? «Неужели», «неужто», ну или хотя бы «разве».

Катя! А вот это уже вы так дурно влияете на нашу Оленьку.

– Я? Да господь с вами, барыня!

– Так, мы прервались. И всё же, чем закончилось ваше свидание? Не томите нас – мы желаем услышать слова, которые пылкий юноша адресовал вам.

– Ой, да ну вас, барыня... Да за что вы, бабоньки, так бессовестно в краску меня вгоняете? Катерина, смущённо опустив голову, теребила край платка и уже готова была раскраснеться.

– Ну говорил, говорил... Говорил, что якобы всех краше, и что даже краше любой из дам, что на Невском проживают, а ещё сказал, что влюбился будто.

Тут в дверь позвонили, и Катя спешно решила укрыться у себя в комнате, а Оля, аккуратно поставив последний прибор на стол, пошла открывать дверь. Гаврила Ермолаевич прибыли, как всегда, вовремя.

* * *

Время. Да что ж это за неумолимое явление такое, невозможное для подчинения или хотя бы малейшего контроля?

И вроде бы идёт неспешно, порою даже волочится, а то и вовсе замирает и стоит на месте. И уже можно никуда не спешить, будучи твёрдо уверенным, что всё ещё впереди, всё ещё можно успеть: и ошибки исправить, сделанные когда-то по неопытности, и останется даже этого самого времени предостаточное количество.

Но вот ещё недавно распутившаяся зелень на деревьях вдруг начинает осыпаться, покрывая всю округу жёлтой листвой, которая скоро укроется белым снегом. И только успеваешь свыкнуться с этой зимней порой, принимая душой и эту вьюгу за окном, и снегопад, мягко и бесшумно опускающийся с неба, а тут уже и апрельская капель с хрустальным звоном и журчанием весенних ручьёв снова заставляет смотреть на мир новым, свежим взглядом.

А время, которого всегда было в избытке, вдруг куда-то делось, исчезло, ушло, утекло вместе с талой водой, ну а всё что задумывалось – так и не исполнилось, потому как времени, того самого, оказывается, не хватило вовсе. Да как много не хватило-то...

Луша, которую когда-то мать на руках принесла из деревни в город, сегодня уже не была такой беспомощной и нуждающейся в присмотре, а, напротив, в своём шестилетнем возрасте она теперь была добрая помощница для крёстной. Марья, надо признаться, за эти пять лет здоровьем своим стала как-то не очень, но при этом считала, что всё одно лучшие годы свои она проживает сейчас подле своей крестницы, да и вообще, кажется, на судьбу она жаловаться так и не научилась.

В доме Бобровских за это время ничего особо значимого не случилось. Каждый был занят своим делом, а для скуки особо-то и не было того самого времени – в пору бы с заботами управиться.

Анастасия тоже не отставала: окружённая опекой со всех сторон, девочка росла всё же скромной да послушной и лицом всё больше походила на свою маменьку, или, как всегда настаивала сама Бобровская, «таман». Когда Анастасии исполнилось три с половиной года, Светлана начала самостоятельно приучать дочь к изучению французского языка, которым, надо заметить, сама владела в совершенстве. Девочка оказалась смышлёной и до обучения охочей – освоение другого языка для неё оказалось не слишком сложным.

Лето 1913 года выдалось удачным – дождей было не так много, и привычные прогулки в Александровском парке совершались регулярно. Вот и теперь, пока Анастасию на время увлекла огромная, засаженная различными цветами клумба, Светлана Сергевна и Катерина присели в саду под тенистым тополем на изящную скамейку с причудливо изогнутой спинкой.

Погода была хорошая.

Тихо...

– Катя, а вы читать-то умеете? Грамоте вы обучены?

– А то как же! Чай, и мы не хуже остальных-то будем, коли надо-то.

Светлана Сергевна протянула Кате небольшую книгу в коричневой обложке.

– А ну, почитай мне!

Катя взяла увесистый томик и осторожно положила на колени.

– А вы что же, сами-то разве ж и не читали?

– Так если бы я читала, зачем бы я её с собой взяла? Чай, у супруга моего полный шкаф разных книжек имеется, и даже больше.

Неграмотная Катя открыла книгу и упёрлась пальцем в буквы.

Рассказала Катя и про кузнеца Василия, который вот так вот запросто однажды взял да и поднял гружённую зерном телегу и держал её до тех пор, пока мужики заломанное колесо не сменили.

Заодно рассказала Катя и про блаженного дурачка Андрейку, который у дверей храма на Троицу раздавал копеечки купцам и богатному чиновному люду. И где он их только набрал столько, дурачок-то? Сам босый, в лохмотьях, а из всего добра на нём – только крест, добелá затёртый, на засаленной верёвке. Богатеи отпихивались, купцы сторонились, а он, блаженный, знай, тешится да монетку в руку вложить пытается. А один хмурый бородатый купец Орехов – тот, что приводил обозы с рыбой в Санкт-Петербург, – принял копеечку у Андрейки и в пояс ему за то поклонялся. А всем рядом стоящим похвалился, что, мол, сам Бог его копеечкой одарил, и бережно убрал её в потайной карман, к сердцу поближе. Народ, быстро смекнув что к чему, потянулся: «И мне, и мне, Андрейка, и мне копеечку дай! Умилостиви, родимый», – а Андрейка рассмеялся и, бросив жмень медяков прямо на мостовую, убежал, размахивая над головой голыми руками.

Народ с криком кинулся на колени, словно воробьи на горсть брошенного зерна, подбирать копеечки с земли, что бросил блаженный. Купчихи в нарядных платьях, чиновники в дорогих сюртуках ползали у ворот храма и подбирали мелочь, а купец Орехов, молча ухмыльнувшись в бороду, надел картуз да и пошёл себе.

А на следующий день прошёл слух, что Андрейка помер – в ту же ночь у ворот храма так и преставился.

Светлана Сергеевна всё это время внимательно с интересом слушала – когда улыбалась, а когда грустила.

– Вы что ж это, Катя, всё в книге вычитали?

– Ну да. Понравилось вам, барыня?

– Понравилось. Давайте сюда книгу.

Катерина уверенно закрыла книгу и посмотрела на Светлану Сергеевну. На книге большими буквами было написано «ГЕРОДОТ».

– Знаете, Катя, я собираюсь с началом осени начать преподавание различных наук для Анастасии и обучение грамоте. Думаю, что моих знаний для этого будет достаточно на какое-то время. Если желаете, вы можете присоединиться к моей дочери.

– Ну так а мне-то это уже зачем? Неужели я учёная стану лучше служить, чем прежде?

– Ну тогда дочку свою приводите, или ей грамота тоже не нужна?

– А вот на этом огромное спасибо вам, Светлана Сергеевна, уже коли Лушка моя станет хоть капельку в грамоте походить на дочку вашу, то до самой смерти должника я ваша буду.

Катерина от чувств, забыв о рамках дозволенного, обняла Бобровскую, а слёзы радости скрыть все же не смогла. Светлана заметила, хотя и не подала виду.

Глава

Поколения и годы

Зеркала. Сколько различных эмоций на лицах они видели за свою долгую, порой даже бесконечную жизнь, нередко гораздо длиннее человеческой? Радость и удивление, недовольство и разочарование, а чаще равнодушие и важную строгость, характеры людей и их состояние на какой-нибудь определённый момент – те настоящие чувства, которые мы иногда желаем скрыть от окружающих. Всё это зеркала не только видели, но и помнят об этом до сих пор – помнят и молчат, преданно храня тайну, понимая, что это тайна. Многие из нас, уверенные в том, что никого нет поблизости, разговаривают с зеркалами, рассказывают о самом сокровенном, задают им вопросы, а те слушают. Слушают внимательно, не перебивая, слушают и не отвечают, а может быть, и отвечают что-то навроде того, мол, ну ты же и сама всё прекрасно видишь – немногословный и убедительный ответ на все вопросы.

Мне порою кажется, что зеркала замолкают только с возрастом. Взрослея, они становятся с каждым годом всё молчаливее, а вот в детстве они более дружелюбны и готовы бесконечно веселиться и смеяться без устали с каждым, кто пришёл к ним в гости.

Луша вот уже долгое время не отходила от большого зеркала, встроенного в самую середину платяного шкафа, который стоял на квартире у крёстной. Шкаф только так назывался – платяным, на самом деле внутри себя он хранил всё то нужное и необходимое, что Марья в него бережно складывала: простыни и наволочки, покрывала и скатерти и многое другое, а не только платья.

Сегодня Луша собиралась идти с мамкой в гости – для знакомства, да не куда-нибудь, а в большой и красивый дом, где живут только важные и богатые семьи, «которых Господь любит так же, как и всех остальных, но внимания им уделяет почему-то чуточку побольше» – так однажды ответила тётка Марья, когда Луша её об этом как-то спросила.

Красное платье в крупную клетку, скроенное и пошитое крёстной из новенького отреза ткани, который мамка купила в «Мануфактурной лавке купца Филиппа Горбунова» специально для такого случая, девочке очень нравилось. Она вертелась перед зеркалом, как бы хвастаясь и демонстрируя тому свою обнову, а зеркало одобрительно улыбалось в ответ, полностью разделяя настроение маленькой модницы. Очень хотелось выскочить во двор в новом платье и показать всем этакую красоту – и соседкам, вечно сидящим на скамейках, и ребятам со двора, и даже Миколке, который постоянно находился где-то неподалёку. Хотя, скорее всего, Миколке-то будет это совершенно безразлично – ну и пусть! Похвастаться хотелось перед всеми и перед ним тоже, но Марья не велела выходить в новом платье во двор, а сидеть дома до прихода матери.

Катерина пришла за дочкой сразу же после обеда и, взяв Лушу за руку, повела её в сторону Большого проспекта, чтобы потом, минуя Пушкарскую улицу, через Большую Введенскую выйти на Кронверкский и, пройдя вдоль по аллее парка, свернуть к дому Цеховой. Девочка шла рядом с матерью, и ей хотелось, чтобы все идущие мимо заметили, ну или хотя бы просто окинули взглядом, обратили на неё внимание.

– А ну стой, это ещё кто с тобой?

Большой важный человек в форменном мундире, но почему-то с невероятно добрым лицом, рукой преградил им вход в парадную.

– Ой, да ну вас, Матвеич, ребёнка мне напугаете – чего расшумелся-то?

– Ничего, ничего, – добродушно ответил старший швейцар. – Так это, значит, и есть дочка твоя? Ну что ж, славная!

Матвейч смотрел на Лушу как-то мягко, более дружелюбно, чем обычно, с умилением. Так смотрят старики на своих внуков, утешая себя тем, что жизнь их не прошла даром, а, напротив, принесла хорошие результаты и начатое далеко не ими продолжится и далее, а значит, всё было как надо, всё было не зря.

– Ты кто ж такая будешь?

– Луша я, Ложкина – это фамилия такая у нас, ясно?

– Теперь ясно.

– А у тебя, дядечка, какая фамилия?

– Пойдем, дочка, пора нам, – вмешалась Катерина, понимая, что подобная беседа может закончиться не скоро.

Девочка, уводимая матерью в сторону двери, обернулась, махая рукой раздобревшему Матвейчу, немного, совсем чуть-чуть обеспокоенная тем, что новым платьем похвастаться так и не удалось – забыла.

Как же всё-таки это легко и почти мгновенно у них получается, с какой простотой и непринуждённостью они умеют находить общий язык – люди, между которыми разница в возрасте, без малого два поколения.

Мы, взрослые, для того, чтобы понять друг друга, тратим огромные силы и часто впускаю, растрчиваем себя на поиски нужных слов да так и не находим. Пытаемся приблизиться, но в результате, едва коснувшись, отдаляемся, отталкиваемся друг от друга, как бильярдные шары. А ведь мы, взрослые, в большинстве своём немало образованные люди, а они – нет, напротив, не тратя попусту время на то, чтобы казаться лучше, чем они есть, не выбирая необходимых, казалось бы, фраз, старики и дети тут же находят эти заветные точки соприкосновения, и общение между ними практически всегда рождает у обоих неподдельный интерес и удовлетворение.

Короткая пауза, длившаяся не более полуминуты, казалось, что не закончится никогда. Это потом, после, спустя годы, Лукерья усвоит для себя, что обеспеченные, знатные люди в дорогих нарядах, живущие в больших, просторных и красивых домах, точно такие же, как и она, и ничем не лучше, а некоторые даже и много хуже, но для этого должно пройти немалое время, а пока...

Заворожённая Лукерья смотрела на Бобровскую снизу вверх, широко раскрыв свои серые глаза, почти не моргая.

Высокая и утончённая фигура Светланы Сергеевны показалась ей эталоном женского совершенства. Тщательно расчёсанные волосы были собраны сзади в небольшой пучок и закреплены невидимой шпилькой; строгие по своей красоте черты лица выражали сдержанность и манерную статью; острый нос был несколько длинноват, но вовсе не портил её, а, напротив, подчёркивал происхождение; тонкие белоснежные и хрупкие руки привычно держали какую-то книгу, а аккуратно отглаженный подол чёрной юбки, казалось, вот-вот коснется пола. Расправленные плечи и осанка только подтверждали в этой женщине принадлежность к знатному роду.

– Так вот ты какая, Лукерья!

Луша, оробев, перекинула взгляд на мать, в надежде на защиту.

– Ну, что ты испугалась, отвечай.

Луша только смогла утвердительно кивнуть головой – в горле всё пересохло, и язык как будто прилип где-то там, внутри.

– Анастасия, – не меняя интонации, Бобровская позвала дочь, которая всё это время стояла у неё за спиной, лишь изредка ненадолго выглядывая из любопытства.

– Ну что же ты, иди, встречай гостью, а то не ровён час узнают в свете о том, как ты дурно гостей принимаешь.

Худенькая девочка в светло-сиреневом платье подошла к Лукерье.

– Позвольте представиться – Анастасия Гавриловна Бобровская, дочь полицмейстера Бобровского Гаврилы Ермолаевича. Прошу вас пройти и быть нашей гостьей. – Анастасия чуть присела, слегка взявшись ручками за подол платья, манерно склонив голову.

Луша стояла, как не своя, боясь пошевелиться, по спине сбежала капелька пота и скатилась вниз, оставив после себя влажный след.

Анастасия обернула голову к матери:

– Маман, а можно я покажу ей свою комнату?

– Сделай милость. Надеюсь, что Лукерье понравятся твои апартаменты.

– Mersi, mamam.

– De rien.

Анастасия Гавриловна взяла Лушу за руку, и девочки удалились, а напряжённая и неловкая ситуация исчезла сама собой.

* * *

В тот вечер Марья впервые за столь долгое время снова осталась совершенно одна. Сегодня Катерина увела от неё не только свою дочь, её крестницу, она забрала с собой и все прилегающие заботы и хлопоты – то самое необходимое, что делало жизнь тётки чем-то нужным, значимым и осмысленным для самой Марьи.

Нет, к вечеру они, конечно же, вернутся обратно, непременно вернутся, но этот первый уход из дому был началом расставания на долгое время, может, даже навсегда. Марья это поняла сразу.

Обучение грамоте, обещанное Бобровской, – это, конечно, дело нужное, необходимое и жизненно важное, девочка непременно должна была использовать этот шанс, не иначе ниспосланный свыше. Но Марья – как же теперь она? И что же прикажете делать ей, как быть дальше?

Женщина сидела за столом вот уже несоизмеримо долго, слушая шаги настенных ходиков. После Лушиного ухода она не занималась привычными делами по дому, хотя таковых бы и нашлось немало; не стала готовить ужин, даже для себя, а ограничилась чаем, хотя налитый стакан стоял на столе давным-давно уже остывший – Марья к нему так и не притронулась.

Самый дорогой и единственный человек, ставший для неё всем в этом мире, сегодня сделал свой первый собственный шаг к самостоятельной жизни. Умом своим это крёстная понимала, но принять душой всё-таки отказывалась, не могла. Что-то внутри, в самой глубине хрустнуло, надломилось, оборвалось. Ходики равномерно отбивали такт, а женщина сидела за столом, положив ладони на скатерть, и смотрела куда-то вдаль через запylённое стекло окна.

В дверь постучали.

– О господи ты боже мой... – встrepенулась пожилая Марья и, встав из-за стола, направилась к двери.

На пороге стоял Миколка. Она хорошо знала этого безобидного шалопаю, который хотя и был вдвое старше Лушеньки, но жалоб на него от неё крёстная никогда не слыхала, напротив, Миколка, не вмешиваясь, а всегда наблюдая со стороны, как бы приглядывал за её крестницей, следил чтоб, не дай бог, не обидели, хотя его об этом никто и не просил.

– Здравствуй, тётка Марья!

– Миколка? Чего тебе тут?

– Да я вот, рубаху разодрал – не сможешь ли, а?

– Рубаху? Какую рубаху?

– Да вот! – мальчик показал вырванный клоч ткани, который ещё час тому назад нарочно рвал гвоздём, заметив, что вечно шепутная Марья сегодня за весь день так ни разу и не появилась во дворе.

– Ой, да что это я, прости господи, заходи, сынок, заходи. Снимай рубаху и вон, на табурете сядь, обожди, я скоро. А лучше самовар раздуй – сможешь? Пока я тут тебе заплатку подберу?

– Ага, сделаю, тётка Марья!

Миколка быстро снял через голову подранную рубаху и, передав её Марье, направился к столу за самоваром.

Глава

Прощание

Крупные капли прозрачных слёз падали на замаранный в чернилах (ещё несколько минут назад белоснежный) лист бумаги. Мокрые – они ложились на листок, и тот изменялся под действием влаги, придавая кляксам светловатый оттенок. Крючки, которые Светлана Сергеевна велела написать Лукерье, получаться как полагается упорно и наотрез отказывались.

Первые два, которые Бобровская написала собственной рукой для примера, были идеально образцовыми: схожие по размеру и тонкости в линиях, с одинаковым углом наклона. А вот остальные больше напоминали ветхий забор или изгородь, наспех сработанную нерадивым мастером, и были лишены всякого эстетического вкуса. Вдобавок ко всему чернила совершенно не поддавались никакому контролю и не желали удерживаться на металлическом перо – капали повсюду: на старую скатерть, которой мамка так предусмотрительно застелила письменный стол; на манжеты; а главное, на рабочий лист – его нужно было позже непременно показать Светлане Сергеевне. Теперь же листок больше напоминал тот самый полотенец, на котором они в этом году вместе с крёстной Марьей выкладывали сваренные в луковом отваре яйца к Пасхе, только пятна были не бурые с красноватым оттенком, а тёмно-синие.

Луша сперва пыталась ловить левой рукой падающие кляксы, подставляя ладонь под перьевой стержень, но все старания были напрасны. Раздосадованный ребёнок, стоя на коленях на взрослом стуле за письменным столом, уже утратив всякую надежду на успешное выполнение нелёгкой задачи, вытирал слёзы и нос испачканной в чернилах рукой. Вся, абсолютно вся будущая жизнь пошла насмарку, была безвозвратно загублена, и исправить было уже ничего невозможно. В такие минуты каждому необходима моральная поддержка – нужен тот, кто способен утешить, успокоить, и Ангел-Хранитель именно для этого дан каждому из нас.

На помощь пришла Оленька, случайно вошедшая в комнату в поисках Катерины.

– Это кто это у нас тут решил залить весь дом? Неужели за окном воды мало?

Луша, обиженно шмыгая носом, молча пыталась закрыться перемазанной ладонью.

– Что случилось, Лушенька?

Ольга нежно положила обе руки на плечи девочке, зайдя со спины, и украдкой взглянула на результат выполненного задания.

– Ух, ты! Как у Пушкина Александра Сергеевича – огромное синее море да к тому же солёное, – вынесла заключение горничная.

– Не получается, – всхлипывал ребёнок, – чернила совсем слушаться не хотят.

– А мамка где?

– Они в сад ушли гулять, сказали, скоро уже вернутся.

– Ясно. А знаешь, давай меняться! Я тебе помогу и ты всё исправишь, а ты мне за это по кухне поможешь: я буду посуду мыть, а ты её полотенцем насухо протирать.

– Как тут исправишь? Листок-то вон весь запачканный и не оттирается совсем – я уже пробовала.

– Ну листок мы другой возьмём, новый, это не беда вовсе. Ну что, согласна?

Девочка доверительно кивнула и, продолжая всхлипывать уже больше по инерции, начала вытирать рукой слёзы.

– Только сначала умыться надо и платье сменить – пошли.

– Да не суй ты всё перо в банку-то – только пёрышко, самый кончик, и прежде чем на листок, сначала о край чернильницы вытри, вот так. Давай ещё разочек. Ну вот – не так уж вовсе и сложно, молодец!

Спустя чуть более получаса крючки, почти одинаковые и почти ровные, но всё ж таки были выстроены в один ряд на новом листке бумаги, который принесла Оленька – старый она спрятала и обещала, что никому про него не расскажет.

После обеда Бобровская молча проверила оставленное ею задание и, ничего не сказав, попросила обеих девочек собираться для того, чтобы идти всем вместе в сад на прогулку.

В воскресный день, сразу же после утреннего чая, Катя собиралась отвести дочку к тётке Марье на Большую Разночинную, повидаться, а сама по уговору заранее в мыслях своих мечтала о встрече с Алексеем – он должен был ожидать её в саду на Пушкарской, как условились.

– Ну что, Лушка, дойдёшь ли до крёстной сама, не заплутаешь? – спросила мать, когда они уже миновали Введенскую улицу и вышли на Большой проспект.

– Нет, мамка, теперь точно не заплутаю, дойду. Я когда у неё жила, то много раз тут бывала – дорогу помню.

– Ну всё, ступай, дочка, скажи тётке Марье, что к вечеру зайду к ней.

Катерина, провожая дочь взглядом, постояла ещё немного, а как только Лукерья свернула с улицы за угол одного из домов, то повернулась и пошла в обратную – Леди уже поджидал Катю в саду.

Войдя в квартиру, Лукерья совсем не обратила внимание на то, что дверь была не только не заперта, но и немного приоткрыта. Зайдя внутрь, она прошла прямо в комнату. Тётка лежала на застеленной кровати и почему-то одетая.

– Здравствуй, крёстная! Это я, Лушка, погостить к тебе пришла.

– А, дочка, проходи, проходи, а мне вот видишь, занедужилось чтой-то. Да ты подойди ближе, дай хоть посмотреть на тебя – большая, поди, стала.

Марья даже не пыталась встать с кровати, а только лишь повернула голову в сторону крестницы. Голос у женщины был еле слышен.

– Что с тобой, бабка Марья? – Луша подошла вплотную и положила ладонь на щёку крёстной.

– Ничего, дочка, ничего, сейчас я...

Больше Марья не произнесла ни слова. Девочка долго стояла у кровати и смотрела женщине в лицо, так и не решаясь убраться руку. Этот момент Лукерья будет помнить всю свою жизнь.

– Тётка Марья, я воды принёс – если хочешь, самовар ...

Миколка резко замолк, не договорив, стоя за Лушиной спиной. Он так же молча подошёл, осторожно убрал руку девочки и потянул за собой:

– Пойдём отсюда.

Они молча вышли и не спеша, держась за руки, начали спускаться вниз по лестнице. Сюда Лукерья уже не вернётся никогда. Дом, который стал для неё родным, дом, в котором она выросла, теперь будет оставаться и жить только в её памяти.

У парадной свежий ветер слегка ударил в лицо сентябрьской прохладой – вот-вот того и гляди заморосит.

Миколка одёрнул Лукерью:

– Обожди, я быстро, – он ненадолго оставил девочку, а сам добежал до стоящих неподалёку скамеек, на которых всегда сидел кто-то из жильцов дома, и, что-то сказав, быстро вернулся обратно.

– Всё, Лушка, пошли со мной.

Она шла покорно, ещё полностью не осознавая, что её родной крёстной Марьи больше нет и уже никогда не будет.

* * *

Высокий, долговязый старик в меховой безрукавке смотрел на Лукерью поверх очков, которые неизвестно как держались на самом краю носа и не падали.

– Как прикажете вас понимать, молодой человек? – сказал старик, обращаясь к рядом стоящему Миколке, при этом продолжая изучать взглядом девочку.

– Это Лушка – та самая, у которой мать служит в доме полицмейстера. Мы туда когда-то давно розы доставляли.

– Ну что касается меня, то я с вами никаких роз никуда не доставлял. Это та, которая с Разночинной, если не путаю?

– Да. Там с час тому назад родственница её, квартирная хозяйка, Богу душу отдала, ну и я – вот... – Миколка кивнул на девочку.

Натан Ефимович поправил очки, задвинув их указательным пальцем ближе к переносице.

– Ну что ж, прошу вас, молодые люди, входите.

Каплан, впустив непрошенных гостей, сам вышел на площадку и, держась за перила, посмотрел на самый низ лестницы, а потом вернулся и закрыл дверь на все замки, которые на той имелись.

– Прошу вас, барышня, проходите в комнату и присядьте там, где вам заблагорассудится. А вы, адъютант, я так понимаю, снова остались без крыши над головой?

– Похоже, что так.

– Ну а где же её родная мать, я стесняюсь спросить?

– Её Леди гуляет, думаю, что до самой ночи. Да ей бы только день пересидеть, а к вечеру я её к дому полицмейстера бы отвёл.

– Ну что ж, в такую минуту даже малая поддержка крепкой опорой стать может, – Каплан, как обычно, над чем-то раздумывал. – Ты на квартире той прибрал?

– А то как же, вот, – Миколка достал из-за пазухи свёрток.

– Нет, нет, убери. Встретишься с её матерью и всё отдашь ей. Ты понял?

– Понял, сделаю.

– За обкрад усопших Там ни понимания, ни снисхождения не жди, – Фрегат строго направил вверх указательный палец.

– Да знаю я, – мальчик даже немного обиделся на подобный упрёк, но смолчал.

– А Леди найти сможешь?

– Да где ж я его найду? Откуда мне знать, куда он надумает?

– Понимаешь, нужно эту женщину встретить до того, как она узнает о беде, что пришла к ним в дом.

– Я её на подходе перехвачу, не упущу.

– Это хорошо, это ты молодец. Ну в таком случае ступайте, молодой человек, и Бог вам в помощь.

К вечеру он вернулся за Лукерьей, сказав, что мать дожидается её на углу Кронверкского и Введенской, и что им нужно поторапливаться.

– Ты вот что, Лушка, я это, сказать хочу: если вдруг тебя кто обидеть задумает, то ты не робей, а сразу в лицо говори, что, мол, за тобой Коля-адъютант стоит. Ясно, что ли?

Девочка шла молча, опустив голову.

– Ну всё, ступай, вон мамка твоя. А я уж тут останусь.

Глава

Встреча с рождественской ёлкой

Когда Бобровская узнала о том, что тётка Марья покидала этот мир на глазах у своей крестницы, обеспокоенности её не было предела, и хотя Катерина уверяла, что, мол, ничего страшного, та и слушать не пожелала. Срочным распоряжением было незамедлительно послано за врачом, который и прибыл в скором времени, не заставляя себя долго ждать.

Однако Бог миловал. Доктор, осмотрев Лукерью и задав ей несколько вопросов, заверил, что волнение было напрасным, но коли уж он всё-таки прибыл в их дом, то ему бы хотелось переговорить со Светланой Сергеевной наедине, ежели, конечно, она располагает временем.

– Видите ли, сударыня, девочка действительно полностью здорова, и ни стресса, ни каких-либо других психологических отклонений я не обнаружил, что, надо заметить, меня, как врача, несколько настораживает.

– Что вы этим хотите сказать?

– Она ребёнок, и пережитая ею сцена непременно должна была отразиться на её состоянии – оставить свой след, отпечаток. Если бы я это заметил, я бы был более удовлетворён и, выписав необходимое лекарство, счёл бы свою работу выполненной. Но девочка ведёт себя так, словно военачальник в пылу сражения, на глазах которого люди гибнут десятками. Или же она ежедневно принимает участие в похоронах других людей. Вы же сами видите – она полностью спокойна и даже не плачет!

– И что всё это значит? Какой вывод я должна сделать из всего вами сказанного?

– Если честно, то я не знаю, попробуйте поговорить на эту тему с вашим супругом. Быть может, он как полицмейстер сумеет дать какой-нибудь здравомысленный совет.

– Спасибо, доктор. Оставьте, пожалуйста, счёт – вам доставят.

– Всего хорошего, сударыня. Имею честь откланяться.

Разговор с мужем, который состоялся в тот же вечер в его кабинете, также результатов никаких не принёс. Гаврила Ермолаевич заявил, что после того, как Катерина разорвала рецепт, выписанный доктором сразу же после появления на свет их дочери Анастасии, он больше склонен верить этой женщине, а не врачу, хотя это может показаться и неразумным:

– Раз происшествия не случилось, то и мер принимать никаких не следует.

Вопрос был исчерпан, и возвращаться к нему вторично не было никакого смысла.

После похорон Лукерья насовсем поселилась в квартире Бобровских и стала проживать вместе с матерью в отдельной комнате.

Светлана Сергеевна оказалась не только хорошим преподавателем, но и очень грамотным педагогом, хотя, признаться, использовала свои знания на практике она впервые. Наверное, это всё-таки призвание, ну или дар свыше – что, впрочем, одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.